Коннектор Исиды

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Виртуальные миры, как тюрьма, иногда благоустроенная, иногда страшная, но из которой невозможно выйти. Пока на помощь не придет… богиня

- Александр Тюрин
  - Пролог
  - 1. В сериале
  - 2. В музее
  - 3. В гостях у доктора Ахманн
  - 4. Проход в другой мир
  - 5. Низ и верх
  - 5. К орбитальным серверам
  - 6. Побег из тюрьмы
  - 7. Лабиринт

Александр Тюрин
Коннектор Исиды

Пролог

Я работаю Ка-дизайнером. В наше время нормальных рабочих мест – сами знаете, кот наплакал; остальные сгрызла роботизация и автоматизация. На бирже труда вам предложат разве что подтирать задницу старичкам и бурно этому радоваться. В-общем, для людского поголовья осталось то, что невыгодно заменять спинтронными мозгами и автоматикой – что-нибудь совсем тупое и кое-как оплачиваемое. Ка-дизайнер – скорее, из числа нормальных, тут надо немного соображать и иметь чуйку.

Ка-дизайнер делает иллюзии, поэтому ему, а не роботу, определять, зацепит она потребителя за живое или нет. Будет ли ненастоящая вода такой же мокрой, как реальная, получилось ли цифровое говно столь ароматным, как аутентичное, окажется ли виртуальная деревяшка занозистой, как и настоящая.

Словцо «Ка» позаимствовано из древнеегипетской мифологии, точнее иероглифа, где изображены две поднятые руки, и обозначает двойника. Того самого, который как вы, только лучше. Потому что мы делаем для вас другую лучшую жизнь в виде бесконечного сериала. Хотя есть мнение, что Ка лишь обозначение кибернетической бесконечности, «Кибернетико Апейро» по-гречески или «Кибернати Ананта» на хинди – основном языке программистов…

В старый европейский город на букву «Бе» я добрался в дребезжащей гондоле летающей платформы уже за полночь. И на роботакси – с кепкой на приборной доске, изображающей шофера – отправился без всяких командировочных шалостей в отель. Мирно завалился спать на широкую кровать, поставив на десять минут виртуальную колыбельную от Большой Черной Няни – она взяла меня на руки и немного покачала, напевая бэ-би-ба-бо-бу. Однако проснулся посреди ночи, и не потому, что на горшок захотел. Сперва вообще не мог понять, где я – такое у меня бывает. Перебираю города и государства, путая реальные и ненастоящие – Грехмания, Бредания, Вранция, Эйре, Нью-Морг. А потом сообразил, что есть вопрос посущественнее – кто там в углу стоит, где мрак гуще всего? Подумалось, что администрация отеля прислала в номер секс-куклу с зарядом на двадцать минут. В некоторых гостиницах, особенно в Трибалтике, такое практикуется. Но по запаху – попахивало какой-то бытовой химией, – и по дыханию, точнее сопению, догадался, что, к сожалению или к счастью, это не так. И тогда по-настоящему струхнул. На лбу проступили капли холодного пота, в солнечном сплетении нарисовалась объемистая черная дыра, испуганно

сжалась и пара других органов пониже талии.

– Эй, в кроватку не наложил от страха? – сгущение мрака имело голос мужской, нарочито грубый, можно сказать, несмазанный, что непривычно в наш век глянцевых мальчиков со звонкими горлышками.

Я попробовал с виртуальной клавиатуры обратиться к кибероболочке отеля, мол, что за дела? Но отель, как воды в одно место набрал, и не отзывался, а по факту незваный гость меня заблокировал.

Наконец, раздвинув гармошку лёгких, я набрал воздуха и храбро отозвался:

– А вы лунатизмом не страдаете?

– Я с тобой не лялякать пришел, – срезал незваный гость. – Сейчас дам тебе задание. Не исполнишь – приду снова ночью и откручу тебе бубенцы, будешь потом пластмассовыми постукивать.

– Только и всего, – попробовал пошутить я.

– И писюн оторву под корешок, – посулил собеседник. – Всего-то, можно ж вместо него коктейльную соломинку вставить…

Кстати, когда он это произносил, голос его звенел от садистического воодушевления.

– Послушайте, неопознанный объект, давайте без подробностей, – я ещё пытался предстать бесстрашным и гордым. – Можно вас поменять на кого-нибудь другого, менее извращенца?

Незваный гость не собирался откликаться на мои запросы и съезжать с темы.

– Значит так, объект типа лох, завтра ты приступаешь к работе в музее. Нам нужна оттуда одна штука.

А эта банда достаточно много знает обо мне. Нет смысла выяснять, откуда – конечно, не скажет.

– Штуки на базаре, а не в музее.

– Заглохни. Внешне это статуэтка Исиды.

– А внутренне? Не шоколадка с изюмом?

– Не беси меня, – зарычал собеседник.

– Как, по-вашему, я должен найти и вынести какую-то статуэтку? Она неплохо защищена, как и всякий музейный экспонат. У вас в банде все альтернативно одаренные?

– Клюв закрой. Найдешь её по изображению.

Открылось виртуальное окно и передо мной в приятном лиловом освещении закружилась статуэтка Исиды, выполненная, наверное, из кварцита.

– Вынесешь её с помощью оборудования, которое я тебе передам.

Сгущенный мрак стал перемещаться ко мне. Если кто не в курсе, человек, лежащий в одних трусах, очень уязвим. Особенно, психологически. Потому что стесняется, как бы у него чего-нибудь не увидели. Я пнул незваного гостя ногой, даже крикнул «йа», но в темноте промахнулся. А он нет. Пропустив удар, я с полминуты, что говорится, отдыхал. Хорошо, что по будке схлопотал, а не промеж ног, однако и её жалко.

– Отвоевался, лошара? – собеседник хмыкнул, показывая удовлетворение от проделанной работы. – Если пойдешь на вторую попытку, досрочно останешься без бубенцов. Усёк?

– Ну.

– Чего ну?

– Да что вас, заело? Понял, что останусь без бубенцов и прочих игровых инструментов.

И тут мне в шею вошла игла шприца, по-моему, толстая, я аж ойкнул.

– Оборудование теперь в тебе, фуфел.

Вышел он через дверь. И я с несколько кружащейся головой выскочил в коридор. Трех секунд не прошло, а его и след простыл. Звонить в полицию? Только в номере никаких следов присутствия чёртова гостя, кроме синяка, нарисовавшегося у меня под глазом. И докажи, что это я не сам себя. Например, засыпал порошковую афродиту в теплую водичку в ванной, а когда она вышла из пены, так напрыгался с ней, что подбил глаз о спинку кровати. И тут кибероболочка отеля, словно издеваясь, ещё спрашивает:

– Я вижу, вы не спите, господин Осин, не беспокоит ли вас что-нибудь?

– Заткнулась бы лучше теперь.

На удивление, после всего я закемарил – разве что прилепил на ушибленное лицо терпеновый пластырь, втюхивающий кортикостероиды. У меня такое вытеснение неприятных воспоминаний – жрать или давить хрюшу. Даже стыдно иногда, что я такой примитивный.

Утром под глазом всё-таки расплылся фингал в формате «незабудки», но, в целом, чувствовал себя не хуже обычного. И те интракорпоральные датчики, что я себе поставил за немалые деньги, пока не фиксировали никаких скачков показателей крови, которые характерны для тех случаев, когда в вас закачали дисперсную систему.

Я был на площади перед музеем в восемь. Чувствовал себя совсем «варёным», не выспался-таки, да и мелкий дождик действовал как снотворное.

Зашел в «Старбаттокс» чего-нибудь бодрящего хлебнуть. А

чашка с кофе минут пятнадцать трындела, что благодаря ей я «найду себя и выйду за пределы». Глянул на серое здание музея, оставшееся от какого-то кайзера и напоминающее сгустившуюся тоску, затем машинально осмотрел посетителей кафешки. Кому нечего делать в столь раннюю пору? Пара каких-то бомжеватых типов – еду не взяли, а глаза как мухи, упавшие в мед – это, похоже, торчки. Поскольку скромно пристроились на подоконнике, менеджер их не гонит, чтоб не было лишней вони – такие граждане и в прямом смысле нагадить могут в тарелку. Несколько девушек игривого вида со светящимися перьями волос – может, студентки после вечеринки, или что похуже. Группа туристов-азиатов с гидом-андроидом, который искрил, мигал, зуммерил и сыпал неведомыми мне шутками. На что туристы отзывались хоровым смехом в верхнем регистре.

И ещё одна штучка, точно не андроид-технозоид. В старомодных очках, в которые были встроены вполне современные 3d-проекторы, с ярким браслетом – это, как пить дать, консоль для работы с виртуальной клавиатурой. В пестром платье – я бы сказал, приятно обтягивающем, под которым не чувствовалось ничего лишнего, что и у дамочек на древнеегипетских фресках. У меня, как у всякого порядочного Ка-дизайнера, даже появились осязательные ощущения, словно я ущипнул ее за гладкую тугую попку. Глаза миндалевидные, соответствующие, носик удлиненный немного вздернутый и фигурка такая же миниатюрная, как у этих древних симпатулек.

Но я запретил себе пялиться на пригожую фрау и на двадцать минут переключился в Ка-сериал, для которого недавно сеттинг скропал. Чтобы как-то на тему настроиться.

Возник логотип в виде тростинки – ведь, как известно всем хорошим детям, легальные Ка-продукты могут загружаться лишь из житниц корпорации «Аменти» – и я оказался в сериале.

1. В сериале

Не успели юркими крысами пробежать титры с именами разработчиков и сценаристов, а на бритое разгоряченное темя уже падают холодные капли. Зря я загрузил версию с увеличенной сложностью. Как не шестеришь, они капают точно на макушку.

Позади два дня пути вниз по реке и короткий бой с дозорным отрядом аму. Надо было достать их прежде, чем они увидят нас и поднимут тревогу. Светлый Ра уплыл уже в Дуат и сумерки скрыли нас. Мы с ливийцем Юбой дружно, с ладьи, кинули копья и нанизали двух ближайших аму. Остальные наши воины, что сошли уже на берег, доделали работу своими острыми кхопешами, изогнутыми будто месяц небесный. Отправив мертвечину в воду, мы двинулись сквозь тростниковые заросли, где одного из наших утащил слуга Себека – крокодил, огромный, как амбарный столб. Раскидав прелый тростник, мы оказались в подземном ходе, ведущем к храму великого Атума, который был опоганен пришельцами. Даже в святилище Предвечного притащили они своих мерзких идолов с глазами-дырками, из которых выглядывают злобные демоны.

Сто лет тому, как эта разновидность аму, именуемая также амурру и хека хасет, захватила нашу землю, священную Кеме. Пока мы приуготовлялись к вечной жизни в тростниковых полях блаженных, аму научились делать составные луки – чтоб снимать кровавую жатву на большом расстоянии, – а ещё медные шлемы, острые бронзовые клинки и грохочущие колесницы, стали похищать людей в рабство и торговать ими с великой прибылью. Таясь под личиной купцов, пробирались они в нашу землю и выведывали её секреты. Каждый второй год приходили густыми толпами к нашим житницам – кормиться, когда у них недород. Милостиво впускали мы их, утирая им сопли и слезы, одаривая зерном и другими плодами. Но однажды, войдя огромной ордой, якобы спасаясь от бескормицы в своих землях, напали они на воинов нашей страны – внезапно и вероломно. И побросали истерзанные тела наших львов в Нил, где тех пожирали крокодилы, истребляя и бренную плоть, и образ Ка.

Своими лживыми речами проклятые амурру лишили наш люд способности сопротивляться, мол, принесли незнаемую прежде у нас вольность. Но оная оказалась лишь господством пороков, многих из которых мы и в самом деле не знали ранее. Насиловали они женщин на глазах мужей, уводили чад нашей страны, которых приносили в жертву своим немилосердным

богам. А мы разделенные и обманутые, лишь метались как стадо испуганных зебу. Князьки аму отнимали собранные нами плоды и злаки, чтобы, продав их народам моря, добавить золотого песка и серебряных брусков в свою казну. Наши кровь и пот превращали они в свое богатство, крохами от которого подкупали самых ничтожных из нас, толкая их на предательство. Аму унижали нас, называя себя потомками благочестивого Сима, а нас – отродьем нечестивого Хама.

Самое страшное – пришельцы вознамерились лишить нас вечной жизни, закрыв ворота Озириса. Они внесли в наши храмы своих демонов. Их Баалы, Ашторет, Йево и Анат отгородили нас тьмой от наших светлых богов. Аму, захватив все запасы драгоценной мирры и аравийской камеди, продали их как обычный товар в Библе и Сидоне. Так что превращение тел в священные останки Сах стало возможным лишь с помощью сока редьки, отчего мумии вскоре напоминали сгнившие луковицы.

Но сегодня мы положим этому конец – ведь одновременно выступило много наших отрядов.

Когда затихли звуки гундосых молитв, которые возносили жрецы аму своим демонам, мы проникли через ход, известный нам из древних папирусов, в храмовые подвалы. В них, давно нечищеных, залитых грязью и кишащих змеями – мы потеряли еще одного славного юношу. Но вышли к колодцу, ведущему наверх по щербинам каменной кладки, источенной потоком времени. О, предвечный Атум, дай мне умения паука.

Поднявшись, встретили мы пятерых вооруженных стражников. Схватка заняла не больше времени, чтобы помочиться у стены. Аму даже не успели вытащить мечи из ножен.

Покончив с ними, мы вступили в осквернённое святилище, где сейчас стояли идолы Баалов с пустыми глазницами. Шагах в тридцати была завеса. Колыхнувшись как морская волна, съехала она в сторону и открылся человек великого роста; за ним серый жертвенник, покрытый обгоревшими костями и источающий зловоние словно задница Апопа.

Вдруг упавшая сверху решетка отсекла отряд от меня. Лишь я один мог идти вперед, пока остальные отыскивали новый путь в святилище.

И приблизился я к человеку, который был не менее пяти локтей роста. Его мощные руки, умащенные елеем, и ноги, похожие на корни сикамора, украшены были массивными золотыми браслетами, лицо выкрашено багрянцем, в искусно завитую бороду вплетены жемчужные нити.

– Я – Гад из рода Бини-Ямин, жрец Баал-Хаммона,

купающийся в его силе, – молвил аму. Голос, выходящий из его широкой груди, покрытой густым волосом, был сочным и низким.

– Плевать, как тебя зовут. Сейчас ты искупаешься в собственном дерьме.

– Зря ты пришел сюда за смертью, маленький египтянин. Ваши боги ослабли, потому что вы по жадности своей не питали их кровью. Слабые боги не помогут вам ни на поле битвы, ни у кузнечного горна, ни на палубе корабля. Вы стали никчемными и трусливыми как мыши, а ваши обсыпанные золотой пылью цари только пыжились, изображая величие.

– Наши боги не питаются кровью, как ваши Баалы, потому что порождены предвечным Атумом – владыкой всех сил. И цари наши не чета вашим хека хасет – бесчестным торгашам, грабителям и убийцам, нападающим из засады.

Гад легко отразил мой выпад, сделанный кхопешом, своим бронзовым жезлом. Точнее, вытащенным из жезла длинным узким мечом. Поиграл мускулами под своей блестящей кожей и едва не нанизал меня, как кусок мяса на вертел.

Я зацепил кхопешом его меч, но клинки выписали «восьмерку» и мы оба лишились оружия.

– Это всё, что ты можешь, маленький египтянин?

В его руках, напоминающих лопаты, появился молот, коим, наверное, дробили кости сожженных животных. Я отшатнулся от навершия молота, но его рукоять ударила меня в живот и швырнула на каменный пол. Молот взлетел надо мной, чтобы в следующий миг размозжить мой череп.

Однако вместо хруста костей раздался звон…

Да, таймер-то установил я на двадцать минут, пора выключать Ка-коннектор. Настроение у меня было неплохое, несмотря на то, что попал под раздачу с этим Гадом. Генератор пакостей сгенерировал противнику молот, однако, неожиданность в игре – как перчик в еде. А дамочки той в кафе уже не было, упорхнула. И правильно, нечего меня от работы отвлекать.

2. В музее

В музей зашел около девяти. Для посетителей заведение откроется через час, и будет их немного. Закончилась Кайнозойская эра, когда люди ломились в музеи; теперь у нас эра Киберозойская. Сейчас бы людям заглотить поп-корма – похрюкивающие и попискивающие шарики, слепленные механохимией из дерьма, – засосать пивка и на диван, смотреть, осязать и обонять Ка-сериалы. Собственно, в том и заключается смысл моего приезда. Раз посетителей не слишком густо, значит надо, чтоб их было больше за счет виртуальных туров. Я должен за три дня разработать тур по древнеегипетской экспозиции, чтоб сменить давно устаревший, с отстойной графикой, рваным сенсорным рядом и тошнотворным сопровождением.

На входе, после того автомат-охранник своими крабьими глазками считал мой пропуск, я столкнулся с одной уборщиц. Точнее, с робомехом и его огромной шваброй – уборщица управляла им изнутри и напоминала Бабу-Ягу в ступе.

– Ты кто? – бесхитростно спросила Баба-Яга. По-русски, распознала во мне не-европейца. Похоже, она из какой-то Трибалтики.

– Я что, должен отвечать?

– Если хочешь с моей помощью ограбить этот большой сундук с мертвецами, то да.

– Может, ты спутала меня с кем-то из своих дружков? Я вообще-то Ка-дизайнер.

– Ах, боже мой, целый Ка-дизайнер! И что же это такое? – уборщица захлопала глазами, изображая большой интерес.

Отчего не объяснить.

– Я создаю то, чего нет, которое люди принимают за то, что есть.

– Галлюцинации, что ли? Наркотиками приторговываешь, господин хороший? – робомех грозно придвинулся ко мне и взмахнул шваброй.

– Скорее, создаю иллюзии.

– И какую иллюзию ты сотворишь сейчас, великий кудесник?

– Буду делать виртуальный тур по музею.

– О, жестокосердный дизайнер, я уже понадеялась, что ты создашь мне иллюзию замечательной жизни. Моя швабра превратится в мерседес, а тряпка в прекрасного кавалера. Ладно, еще увидимся, красавчик, – робомех с Бабой-Ягой заторопился дальше.

– Что, правда, красавчик? – спросил я вослед. – Меня никто

никогда так не называл.

– Я первая и последняя. Считай, меня своим личным иллюзионистом.

Ладно, повеселились, хоть и недолго. Полупустые музеи нашего времени наводят на меня тоску, особенно если много залов. Напоминают кишки какого-то большого издохшего животного. С указателями тут всё было норм – так что и дебил разберется. Я вскоре добрался до экспозиционного отдела, где царил полумрак, и стояло в рядок три саркофага египетских жрецов, которые не поместились в залы основной экспозиции.

Около одного из них я заметил конус света и небольшой столик, за которым сидел щуплый музейщик, рассматривал что-то через старую добрую лупу.

– Sind Sie…? – неуверенно начал я.

– Я понимаю по-русски, – судя по голоску, музейщик был женщиной.

Когда я подошел поближе, то рассматриваемое оказалось бронзовым скарабеем с позолоченным шариком в лапках.

– Символ бога Ра в его предвосходной ипостаси Хепри, когда солнце возрождается после изнурительной борьбы с силами зла, – охотно пояснила музейщица.

– Зачем богу столько ног? После изнурительной борьбы и двумя-то двигать тяжело.

– Наверное, чтобы такой символ можно было легко отличить от других.

Музейщица обернулась ко мне, попала в конус света и оказалась той самой дамой из кафешки. Лупа осталась около ее глаза, увеличив его так, что я мог оценить замечательный ореховый цвет радужки. Стоящее неподалеку изваяние какой-то пупертити еще раз показало сходство моей новой знакомой с древнеегипетскими красотулями. О чем я ей честно и поведал.

– Только не надо мне петь дифирамбы, – встрепенулась она.

– Я вам что, итальянец какой-нибудь? Все дифирамбы только на взаимной основе. Вы тоже можете накидать позитива про мои красивые усы. Вообще-то подмечать сходство и различие необходимо для Ка-дизайнера.

Она не стала развивать тему.

– Вы господин Осин, так ведь?

– Он самый, в собственном соку.

– Видела вас в кафе, но не была уверена, что это именно вы. Я – доктор Ахманн.

– Я вообще-то собирался скреативить виртуальный тур по русской средневековой культуре. Полный улёт: звон мечей, стук копыт, иконописные лики, но затея не глянулась вашему

директору.

– Я знаю доктора Айснера, как человека широких взглядов.

– И я знаю ваших докторов, кушать не могут, пока на России не оттопчутся. Не приносили ваши германцы нам цивилизации – это мы были «страной городов». Скорее, уносили, пока мы заслоняли Европу от кочевых нашествий. И культуру по Евразии распространяли мы, а не ваши гансы с фрицами. Шли навстречу горизонту даже студеной сибирской зимой, потому что тогда дорога тверже.

Доктор Ахманн выдержала паузу, показывая мне, что я не тот милый ребенок, которого все просят спеть песенку или рассказать стишок.

– Надеюсь, господин Осин, что вы и здесь пойдете навстречу горизонту.

– Может, доктор Ахманн, сперва прогуляемся по экспозиции, пока народу нет.

Эта прогулка была, прямо скажем, нелишней. Спутница не умолчала и о том, что мертвый Озирис умудрился трахнуть Исиду, а Сет-бесстыдник чуть не проделал то же самое с Гором, но тот схитрил и вроде не дал. Я же прикидываю, как такой паноптикум в своем туре представить, чтоб было забавно, а не противно. И машинально сравниваю доктора Ахманн с древними стройняшками на барельефах и фресках. И никуда не деться от их замечательного сходства. Хотя, что тут такого? Ведущий телепередачи «В мире животных» был похож на волка, а хозяйки болонок часто смахивают на своих питомцев. И, наверняка, от древних египтянок несло луком, а во рту у них царил сплошной кариес – в отличие от благоухающей белозубой доктор Ахманн.

Потом новой знакомой кажется, что потратила на меня слишком много времени и она сваливает. Я же застываю в некоторой растерянности. Осматривать древнеегипетскую экспозицию дальше? А вдруг наткнусь на ту самую Исиду? Вдруг замечаю за каким-то барельефом роскошный хвост. Пышный, рыжий, чуть подрагивает.

Это, что, кошара? Явилась из подвала, где призвана ловить крыс? Вот сейчас надудонит на шикарный паркет.

– Киса, иди-ка сюда, поглажу.

Как же. Я снова заметил рыжий хвост за каким-то надгробием. Оперативно подбежал, но никакой кисы не нашел. В соседний зал, что ли, усвистала? Ладно, поищем.

Зашел в соседний, где ощутимо темнее для создания торжественной обстановки. Звезды мерцают, папирус натужно шуршит, Нил плещется и от него исправно несет тиной, Ра в своей колеснице идет на посадку, после чего ему предстоит

малоприятная встреча с Апопом. Здесь и ладья, на которой светлому божеству придется пилить через весь подземный Дуат, в стопятьсотый раз отражая нападения разных демонов. На её фоне вижу статуэтку Исиды. И мне на линзопроекторы как раз выводится сообщение: «Объект обнаружен, включается двухминутное подавление всех видов сигнализации». Блин, бандитское оборудование сработало! Пока я увяз в размышлениях – схватить статуэтку или нет, послышался шорох сзади. Я конвульсивно обернулся и увидел тварь, которая расположилась прямо на стене. С головой почти человеческой, но зеленой, как у ящера, и вдавленной в грудную клетку. Вместо рта – вертикальная щель, проходящая до пупа. Самое главное, гениталии у неё от обоих полов, как у нынешних леди-боев.

У меня и закричать не получилось, лишь какое-то сдавленное сипение продернулось из горла. У утопающих на водах точно также – никаких криков «Спасите, люди добрые», только оцепенение.

Если бы там стоял безумный мужик – всклокоченная борода и топор в волосатой ручище – я б дал дёру или принял боксерскую стойку. А тут просто закрыл глаза от ужаса и слушал грохот своего сердца, которое будто прокачивало по ведру крови за один присест. И ни одной мысли в голове. Точнее, одна присутствовала: мерзопакостное создание защищает статуэтку Исиды.

– Господин Осин, вам плохо?

Я открыл глаза, рядом со мной стояла доктор Ахманн, и никакого демона поблизости. Можно, наконец, вдохнуть.

– Хорошо, фрау доктор. Вспомнил, как однажды выпил два литра портвейна, не закусывая.

– А сейчас мы выпьем кофе. Нет, не в «Старбаттокс», не бойтесь. Один старичок из Эфиопии, кстати, родины этого напитка, варит его замечательно, на песке.

Когда музей с его мрачными серыми стенами остался в полукилометре от нас, напряжение спало.

– Вы что-то увидели, чего не хотели бы увидеть? – поинтересовалась доктор Ахманн.

Может, вытягивает из меня информацию, чтоб затем выкинуть из проекта, как больного на голову? Я ведь не знаю, как она ко мне относится – приходилось уже с европейцами работать: на лице улыбочка приклеенная, а за глаза дерьма на тебя накидает только так, полной лопатой.

Доктор Ахманн быстро разгадала ход моих мыслей.

– Именно я предложила дирекции вашу кандидатуру, господин Осин. Я видела некоторые ваши работы – вы умеете

стирать грань между реальностью и фикцией, что необходимо любому приличному Ка-дизайнеру. Тот сеттинг, который вы сделали для Ка-сериала «Грохни гиксоса» по древнеегипетскому сюжету – прямо скажем, не плох. Нарратив, конечно, не ахти, название вообще тупое, но для первого раза сойдет. Я в курсе, что вы начинали в оборонной сфере – с создания виртуальных симуляторов высадки морского десанта. Это хорошая подготовка.

Ага, объявилась еще одна персона, которая знает о моем прошлом больше, чем хотелось бы.

– Приходилось что-то делать для флотских. Ваши знания обо мне не поверхностны, доктор Ахманн, что удивительно. Скажем так, я увидел, – пришлось для бодрости разом опустошить чашечку с отвратной черной гущей, – что-то с рыжим хвостом и вдобавок чудовище с огромным хлебалом вместо ротика. Я не какой-нибудь эзотерик с косыми от вранья глазами и не страдаю галлюцинациями даже в подпитии. Мне, наверное, приконнектили что-то. Вдохнул я, стало быть, нехороший туман.

– Вряд ли, господин Осин. У нас в музее установлена система контроля воздуха; никакие аэрозоли, фоглеты и прочие дисперсные системы не имеют никаких шансов проникнуть в вас. А что касается тех, кого вы увидели. Первый – похоже, Анубис, проводник между миром живых и подземным миром. Другая напоминает Аммут, чудовище женского пола, которое пожирает грешников, чье сердце было взвешено на суде у Озириса и найдено слишком тяжелым.

Шутит или? Пойди пойми, если у нее застывшая вежливая улыбочка, как у мумии. Я так лыбиться не могу, да и зуба на видном месте не хватает – причина уважительная. А если доктор Ахманн не шутит, получается, она немного того, типа сбежавшей пациентки из дурдома. Ограничусь пока нейтральным отзывом:

– Ясно. Так бы раньше и сказали.

– Я не даю объяснений, почему вы их видите. Но древние египтяне их тоже видели, даже взаимодействовали с ними.

– Если так, то я психически здоров, как и древние египтяне. Это вдохновляет.

– Ладно, господин Осин, я побежала. У меня через десять минут участие в телеконференции.

3. В гостях у доктора Ахманн

Вечер потратил на разработку траекторий виртуального посетителя по экспозиции. Минимум четверть юзеров в любом туре идёт путем броуновской частицы и чтоб как-то направить их на путь истинный, нужна приманка. Так что понадобился виртуальный гид в виде легко одетой древней египтянки, несколько напоминающей доктора Ахманн.

Ночью обошлось без кошмаров, но наутро я понял, что меня не так уж тянет в музей и приходится себя принуждать. И доктор Ахманн мутная какая-то. Ведь появилась она поблизости уже через несколько секунд после того, как я увидел чудовище из преисподней. Отметём пока безумный вариант, что доктор Ахманн и была демоницей. Однако распылить в воздухе дисперсные нейроконнекторы, которые заставили меня увидеть это существо, она могла. Мало ли, что в музее противоботовая защита установлена – та реагирует лишь на фоглеты и наниты с известными сигнатурами. Я немало читал про дисперсные нейроконнекторы – применяются террористами из «автаркических бригад» и рекламщиками из крупных корпораций. Может быть, и те и другие – вообще одна команда. Сегодня надо, пожалуй, надеть маску с защитной электростатикой. Скажу, что спасаюсь от очередного синтетического вируса, которого сляпали юные натуралисты с помощью набора нуклеаз и полимераз из детского биоконструктора.

Клейкую уборщицу я встретил не в вестибюле. Она поджидала меня неподалеку от туалета с большой заинтересованностью во взоре.

– Ау, Зорро! Красавчик в маске, я к тебе обращаюсь. Когда грабим музей?

Может, и она что-то про меня знает? А иначе зачем подкарауливает?

– Девушка, в таких случаях принято вначале рассказывать «как».

– Из нас двоих ты интеллектуал, а не я. Вон лоб какой безразмерный.

– Ты путаешь лоб и залысины. Скажи лучше, милая, ты не видела здесь чего-то странного, ужасающего, может быть? Или что-нибудь такое видело тебя?

Уборщица кокетливо оглянулась по сторонам, показывая, что со всех сторон ее преследуют нескромные взгляды, и даже покрутила своим немаленьким задом.

– Ты про привидения? Нет, мне не являлся дух моего

дедушки с мочеприемником.

Придуривается или не понимает?

– Уважаемая, я не про дедушку, а про тех, кто был давным-давно, во времена темного язычества.

– Понятно, кого ты имеешь в виду, – уборщица изобразила мумию, положив на голову рулон туалетной бумаги. – Нет, они в курсе, что ко мне с давным-давно засохшей морковкой подкатывать нечего. И, когда, кстати, ты начнешь подбивать клинья ко мне? Ты ж неплохо зарабатываешь.

– На тебя мне еще копить и копить, учитывая твой аппетит и размеры,– я двинул по направлению к экспозиционному отделу.

– Я не «милая» и не «уважаемая», а Тося, – крикнула она мне вслед. – Или ты, дизайнер виртуальных какашек, запа́л на эту пигалицу с погонялой «доктор Ахманн» и большим дилдо в сумочке? Ничего не выйдет. Они всем коллективом на однополой любви специализируются. Культурные же люди.

На этот раз в экспозиционном отделе присутствовало четверо сотрудников, не считая доктора Ахманн. Поприветствовали меня какими-то постными гримасами, изображающими европейскую доброжелательность. А я взялся за временну́ю шкалу экспозиции, попутно прикидывая, какие исторические события будут показываться в каждой ее точке.

В конце дня, когда все сотрудники дружно свалили, меня стало подмывать – иди, глянь, проверь, действительно ли некие вредители приконнектили твои мозги или ты просто псих.

Сперва я вышел за дверь экспозиционного отдела, типа подышать прохладным сумраком пустого музея. Потом стал прохаживаться туда-сюда, а следом и побежал, вспоминая, как вчера рыжий хвост заманивал меня в зал с ладьей Ра и статуэткой Исиды.

Едва я там оказался, как освещение подстроилось под меня. Вокруг было совсем мрачно, лишь ладья немного подсвечена. Обошел ее пару раз, стараясь не глядеть на статуэтку. И возникло ощущение, что меня покачивает. Так вообще-то бывает, когда вы сильно заложили за воротник или у вас прилично скакнуло давление.

На этом ничего не закончилось, я почувствовал, что меня несет река, затем увидел багровые всполохи под набрякшим низким небом, к которому вздыбливался горизонт. И странное солнце тоже – сгусток мрака, источающий свет. И что хуже всего – зеленокожую Аммут, с раззявленным хлебалом входящей в воду. Вроде, далеко от меня, но мгновением спустя что-то ухватило меня за ногу и неумолимо потащило вниз, в темную гущу реки, которая сразу стала лезть мне в глотку...

Пришел в себя из-за собственного натужного кашля.

– Эй, нажрался, что ли? – на меня грозно взирала бабка в синей спецовке. Еще одна уборщица. А я лежал на полу, ногами закатившись под ладью Ра.

О чем я должен ей рассказывать? Что меня насильно приконнектили? Это ж почти как стать жертвой сексуального насилия.

– Тонкие натуры не нажираются, а слегка перебирают, – подошла Тося и подбадривающе пнула меня в бок.

– Простите, дамы, у меня был неудачный заплыв, – сообщил я с пола, когда смог. – А сколько сейчас времени?

– Пять утра и тут люди работают, а ты валяешься, как куча дерьма, – напряженно заявила бабка и заиграла желваками. Я уже подумал, сейчас с помощью робомеха огреет меня огромной шваброй.

– И во мне, если внимательно посмотреть, можно увидеть человека.

Я встал. На мгновение показалось, что я слишком легкий, сейчас прямо взлечу – но обошлось. И нигде никакого ушиба не чувствуется, даже странно.

– Может, скорую ему вызвать? – сказала в пространство пожилая уборщица.

– Найн, бабуля, отставить, – бодро завозражал я. – Потом столько денег сдерут, что вся моя работа в чёртовом музее пойдет на её оплату. Знаю уже, что почём у вас в европах.

– Ладно, Куку-дизайнер, пошли, чаем напою, – вызвалась Тося.

– Пожалуй, не откажусь, если только с сахаром.

– А как же, мы ведь с тобой почти родня, – Тося приступила к светской беседе. – Ты откуда явился, болезный?

– Из Гатчины. Историческое место, между прочим. Дворцов на душу населения больше, чем в Питере. И международная общественность наш городок любит – у нас и шведы, и немцы отметились в роли потрошителей. Вот чувствую, зря я к ним поехал.

– А я из Шпротляндии, где работы сейчас вообще никакой. Зря не зря, а если не валяться на диване с башкой, застрявшей в виртуалке, то надо куда-то подаваться. В некоторых наших городках полтора человека осталось. По улицам, для создания многолюдности, андроиды в чепчиках прохаживаются. И секс-услуги для туристов бесплатные.

– Это я знаю. В смысле, не про секс-услуги, а что у вас там пустовато.

Тося завела меня в подсобку. Кинула в стакан не пакетик

трухи и не

гранулы подсластителя, а настоящих чайных листочков и кубик подлинного рафинада.

– Ничего не пожалеешь ради дорогого гостя. Ты ведь, правда, дорогой – такой высокооплачиваемый, такой мужественный, неотразимый.

И, плюхнувшись мне на колени, зараза-уборщица заиграла ягодицами. Большими, выпуклыми и крепкими, как зачерствевшие батоны.

– Добьешь меня, Тосенька, ты ж девушка не из разряда дюймовочек. Пересядь, пожалуйста, на другой стул, ему это понравится.

– Я точно не пигалица вроде докторицы Ахманн, – охотно согласилась Тося и ещё разок уколола «соперницу»: – У неё ж вместо задницы какая-то дуля. Ладно, пересяду, поскольку ты Кака-дизайнер, тонкая натура, но только если расскажешь, что у тебя приключилось.

А что, иначе не уйдет. Разотрет мне в порошок причинное место. И, может, она чего-то знает.

– Во-первых, я не Кака и не Куку, а Валентин Павлович. Во-вторых, привиделось кое-что.

– «Кое-что»? Да из тебя, Валентин, каждую фразу надо тянуть, как соплю из носа.

– Ну, не эксперт я по глюкам. Наверное, что-то из путешествия древнеегипетских душ в подземном царстве. Ты плывешь по реке, а тебя какая-то тварь пытается утащить на дно. Зато с причиной всё ясно – приконнектили мне дисперсное устройство против моей воли. Это ж быстро, вдохнул пыли или поймал её на глаза – никакая маска от такого не спасет – и через полчаса наниты коагулировали в сеточку на мозгах, которая создает искусственные нейронные соединения.

– Быстро? Вдохнул и всё? Я думала, ты – дизайнер, а ты фантазер. Да на репликацию и коагуляцию этих наноботов недели потребуются.

Тося, наконец, пересела на другой стул.

– А если я тебе скажу, майн либер Валентин, что похожее было и со мной.

– Что именно?

Тося отозвалась без конкретики:

– Твои грехи пытаются догнать тебя и утянуть на дно… Нашел, кого спрашивать. Я – уборщица, не забыл?

Когда я был уже у двери, она сказала:

– Я проведу тебя до конца, Валентин Павлович.

– Что за самоволку ты мне предлагаешь, Тося? В окно с

пятого этажа?

– Я могу вывести тебя в другой мир.

Так, у девушки от долгого пребывания в музее кукуха поехала. Она ж, наверняка принимает грибы, или втыкает в заушный разъем цилиндрик глюкера.

– Спасибо за внимание, я не тороплюсь на тот свет.

Выскочил из подсобки и бегом в туалет, стараясь забыть последний эпизод. А в зеркале над умывальником отразился мой прискорбный вид. Так, надо собраться, умыться, причесаться, и за дело. Иначе не успею до пятницы, когда надо будет демонстрировать въедливому музейному начальству в лице штурмбанфюрера Айснера готовый проект.

Пока собирался, из зеркала ко мне потянулось мое лицо, принимая по дороге облик той самой Аммут, этакое Аммутище с усами. И громыхнуло – это я врезал по двойнику-уроду.

Чуть погодя, когда я озадаченно смотрел на свою окровавленную руку, рядом со мной появилась ухмыляющаяся Тося.

– Так и чувствовала, Валентин Павлович, учудишь ты что-нибудь такое. Версия, что Ка-дизайнеры – психи через одного, подтвердилась.

Уборщица перемотала мне руку вафельным полотенцем.

– Хорошо хоть стекло не разбил дорогущее, только раскровавил костяшки пальцев, что совершенно бесплатно. А сейчас шёл бы ты отсюда, дизайнер.

Я вернулся в отель, выдул две банки пива и провалился в сон. Когда продрал глаза, было уже пять часов вечера. Бежать в музей поздно. Беда, день потерял. Сегодня надлежало кучу замеров провести и добавить виды сверху, где экспонаты музея будут привязаны к географическим точкам Древнего Египта. И как мне теперь вывернуться? К примеру так, взять какой-нибудь фреймворк для виртуальных музеев и воспользоваться бангалорским игровым движком, который благодаря отличной механике годится для любых нужд. Навигацию утащу из виртуального тура по трансгендерным клубам Бангкока. Тогда работы ещё на три дня останется, если никакая хрень не будет меня больше отвлекать, а я не стану обращать на нее внимания. Однако, если среди ночи влезет опять тот бандюк и даст мне по тыкве – попробуй не обрати…

Словно ощутив мое уныние, на связь вышла доктор Ахманн.

– Господин Осин, вы сегодня не работали в музее, – голос был строгий, почти возмущенный. Они ж тут специалисты по «орднунг унд дисциплин».

– Это не господин Осин, а его Ка. Господин плохо себя

чувствует, съел, наверное, что-то не то, нитрат вместо фосфата. Но завтра ему будет много лучше.

– Вы можете приехать ко мне, – неожиданно предложила фрау доктор. – Посмотрим, как можно ускорить вашу работу. У меня дома есть планы экспозиции и трехмерные изображения всех экспонатов.

А почему бы и нет?

– Берите роботакси, господин Осин, за пять минут доберетесь. Адрес я вам сбросила. И не забудьте с собой захватить то, что вы сделали.

Жила она в неплохом особнячке, и я б не сказал, что тот соответствовал её должности. Уж знаю, по какому принципу финансируют гуманитариев, которых пока нельзя заменить на культуроботов. Может, фрау доктор приторговывает древнеегипетскими ништяками?

Расположились мы на большом диване, напоминающем волну, я и доктор Ахманн в интенсивно красном платье. Не забыла она о двух бокалах раритетного винца.

– Так, давайте посмотрим, что вы натворили, господин Осин, – и улыбочку изобразила сладенькую. – Миф о творении я бы заменила, так сказать, на более эстетичный. Из вод предвечного океана Нун, заполненного божествами хаоса, появляется первосоздание – цветок лотоса. Из него выходит младенец Ра, озаряя мир и порождая миллионы разных творений… А здесь надо пояснить, что змей Мехена – олицетворение быстротекущего времени, от которого надо избавиться душе, чтобы уйти в вечность… У вас неплохо показано, как наш музейный экспонат становится ладьей, плывущей в ином мире, где Ра соединяется с Озирисом. Однако надо добавить и другие ладьи, которые несут души для возрождения вслед за Ра.

– Слишком глубоко копаете, доктор Ахманн, – завозражал я. – Пузатый человек с пивасиком на диване – наш главный контингент. У него самого вряд ли душа имеется и про чужие души ему знать неинтересно.

– Вы-то на диване, но не с пивасиком. А ещё надо показать, что все божества связаны между собой. Ра – это Ба Предвечного, Исида – Бат само́го Ра, богиня кошка Бастет – Бат Исиды, кошка обычная – Бат богини-кошки…

Как она всё усложняет, сплошное Ба-Ба-Ба. А ведь двадцать минут назад говорила, мол, хочет ускорить мою работу – заманивала, что ли?

– Древнеегипетские котики-то, – попробовал я сменить тему, – не рыжие ли?

– Выясняйте на сайте для кошатников, – отмахнулась доктор

Ахманн. – Вы правильно отметили, что земной Египет считался отражением небесного Египта, Нил – земная версия небесной реки, у Фив, Мемфиса, Абидоса есть небесные прототипы. Верх и низ мироздания связаны. Но надо уточнить насчет Ах – это главная духовная сущность, которая, в итоге, окажется среди звезд северной части неба.

– Древние египтяне не встречались с нынешними менеджерами по продажам, для которых главная ваша сущность – деньги, которые надо выдоить.

– Ах неучтожима, – отчеканила доктор Ахманн, чтоб я не забыл. – Однако у грешника она будет пребывать в небытии до следующего вселенского цикла.

– Вот именно. Грешники с утра до вечера торчат в Кареальности, среди мелькающих веселых картинок, по сути, в небытии.

– Если не ошибаюсь, ваш виртуальный гид несколько похож на меня, – заключила доктор Ахманн, рассмотрев мою древнюю египтянку, завлекающую юзеров.

– Вы никогда не ошибаетесь, – преданно заверил я. – Поскольку у меня не было под рукой никакого другого светлого образа, я использовал ваш. Однако этого сходства недостаточно, чтобы привлечь меня за вторжение в вашу личную жизнь.

– Почему она у вас одета как эскортница, всё просвечивает?

Обычная дама при таком обсуждении должна немного зарумяниться, но не такова наша доктор Ахманн.

– Я не виноват, что древние египтянки столь легко одетые. Может, у них на нормальную одёжку финансирования не хватало, времена ж тяжелые были.

За этим шутливым разговором, непринужденно переходящим во флирт, я заметил, что доктор Ахманн позволила мне сократить дистанцию. Ощущается не только аромат её духов, но и теплота её щечки, которая ненароком оказалась совсем рядом. Собеседница меня слегка тюкает и своей коленкой. Даже «дежа вю» возникает, словно мы так уже сидели, хотя с чего вдруг.

– Скажите, доктор Ахманн, если не секрет, а вы одна живете или как? – стал я подбивать клинья.

– «Или как», но сейчас одна, – толсто намекнула собеседница.

– А, может, сходим в какой-нибудь чудный кабачок? Или свистнем куда надо и ушлый дрон мигом притащит нам бутылочку «Столичной» и банку соленых огурчиков.

В самом деле – примет мадам сто грамм, хрустнет огурцом и забудет, что мы из разных ярусов леса, что я типа хорёк, а она колибри. Но быстро выяснилось, что про огурчики ляпнул я лишнего, на доктора Ахманн они произвели отрезвляющее

воздействие.

– Мы, кажется, говорили про реку подземного мира, – спохватилась она и спешно отодвинулась.

Вспугнул кисулю, а ведь стрелка компаса уже указывала на «шалости и забавы». Фрау доктор, наверное, вспомнила, что, несмотря на мои понты, я не её уровня – заурядный кодер, недоразвитый как вся эта публика, да и с заработками случайными; сегодня в отеле, завтра под забором. Наверняка, проекторы на её очках подсказали ей реальный размер моих доходов за год. И вообще, не сегодня-завтра Ка-дизайнеров заменит очередной ИскИн корпорации «Аменти». Или как теперь их называют КаИн – ИскИн для Ка-реальности.

– Река будет течь мимо соответствующих музейных экспонатов и далее в поля зеленого тростника, то бишь, в рай. С ней полный порядок.

– Упрощаете. В третьем часу ночи поток Урнес трансформируются в воды Озириса, а ладья Ра в разных священных животных, в том числе ежа, который готов побороть в бою без правил змея хаоса Апопа. В четвертом часу ночи водный поток весь выпит Апопом, в темноте течет сплошной огонь, с обеих сторон затаились демоны, а сама ладья превращается в змею.

– Наверное, огнеупорную. Ёлки, они курили верблюжий навоз, что ли? – вырвалось у меня, наверное, потому что рекомендации доктора Ахманн прилично удлиняли мою работу.

И я понял, что сморозил.

– Такое вам не навоображать при вашем минимуме знаний, господин Осин. Это реальность, с которой и вам придётся познакомиться.

Опять меня куда-то отправляют. Я не суеверный, но есть от чего насторожиться.

– Пока в подземный мир не собираюсь, не всё еще выпито и съедено, – пробормотал я.

Доктор Ахманн встала с дивана, резко одернула платье, и на её лице изобразилось что-то необычное, если не сказать грозное.

– Он гораздо ближе, чем вы думаете. И лишь если нырнуть в океан Нун, наполненный несотворенными существами, и достичь озера Предвечной чистоты Кебеху, то можно снова возродиться в жизни.

Бокал выпал из моей руки, но современные бокалы, как известно, не разбиваются и не проливают вино, даже если их перевернуть. Она, похоже, не шутит, а, значит, я её разозлил.

– Это звучит, доктор Ахманн, почти как курортный путеводитель, но для моей слабой психики – перебор.

Я скоренько откланялся и заспешил в отель, от желания продолжить вечернее знакомство с доктором Ахманн в более тесном формате не осталось ничего.

4. Проход в другой мир

В семь утра я был у музея. Прямо около входа меня поджидала уборщица Тося. И при ней никакой швабры: ни робомеханической, ни обычной деревянной.

– Ты увольняешься, Тосечка? – с надеждой спросил я.

Она схватила меня за руку, и взгляд у нее был такой цепкий, не девичий.

– Надо срочно сваливать, дизайнер. Я могу тебя вывести.

– Ого, повелительница швабры выведет меня к свету. Да, зачем мне прозябать в этом мрачном узилище, если заклинательница тряпок знает прямую дорогу в райские кущи?

Тося уловила ход моих мыслей и свела брови. Затем щелкнула пальцами. Рядом со мной появилась секс-кукла с умопомрачительным размером бюста и выпирающим задним местом, на которое можно смело ставить кастрюлю. Проворковала: «Секс-овер-айпи, не будет больно при пипи» и лопнула.

– Всё, что ты видишь и принимаешь за чистую монету – виртуал от корпорации «Аменти» с высокой степенью имитации чувственных восприятий. Всё и всегда, сегодня, вчера, год назад. Только без логотипа в виде тростинки.

Ах ты, сектантка, решила взболтать мне мозги.

– Тося, ты каким-то образом получила доступ к моим Ка-коннекторам, чтобы показывать мне дешевые картинки в виртуальном окне. Только и всего.

Когда я попробовал обогнуть уборщицу, около меня возник мужик, смахивающий на джинна, и врезал мне огромной ручищей. Я, в принципе, пытался заслониться, но не успел. Как результат, оказался на полу, а обидчик, помахав банкой энерджайзера, произнес: «Ты этого достоин». Сделал дело и тоже исчез.

– Ну, Валентин Павлович? – ехидно поинтересовалась Тося. – Как тебя картинка уделала?

Почему у цифрового объекта столь сильное воздействие на мою сенсорную кору? В Ка-сериалах такое запрещено, причем на уровне международного законодательства. Но я, кажется, уже понимаю, откуда у уборщицы доступ к моим Ка-коннекторам.

– Тося, признавайся, от тебя был посланец, который в гостинице мне в бубен заехал? Не забуду, не прощу. Он-то мне и вкатил дисперсный нейроконнектор шприцем.

– Добавить виртуального бандита в виртуальную среду – невеликое прегрешение. Твое сознание заперто в

несуществующем, но данном тебе в искусственных ощущениях мире. У тебя своего рода быстрый сон, только проснуться ты не можешь.

Ишь ты, как заговорила наша уборщица. На прямые вопросы не отвечает, зато намекает на теоретически возможное полное подключение, когда сознание заперто в Ка-реальности. То есть, информация из внешней среды перехватывается в неокортексе и подменяется на сигналы, сгенерированные Ка-сервером. И в базальные ядра мозга – те самые, где гнездится сознание, – попадает то, что нужно корпорации «Аменти».

– В моей памяти нет ничего указывающего на полное подключение.

– Валентин Павлович, въезжай скорее. У тебя искусственные воспоминания, подходящие для этой псевдореальности. Вот у тебя был перелом правой руки. А как ты её сломал, помнишь?

– Конечно. Сломал, когда навернулся с маунтинбайка.

– Неверно. На самом деле ты её сломал, когда с одной бабой ездил на лыжный курорт и случилась авария на подъемнике.

Так, главное не поддаваться. Точнее, пора обратиться в полицию. Правда, у меня немецкий на уровне «битте-дритте», полицейские меня же и повяжут, как русского хакера.

– И что за баба, с которой я на курорт ездил? Неужто жена? Только я стабильно за связь без брака. Не устраиваю я никаких дамочек в качестве постоянного персонажа под боком.

Но какой маунтинбайк, действительно? Забавы, повышающие адреналин – не моё это. Моя мечта – дачка, собачка и грядки с огурчиками-помидорчиками, которых я соединю с собой «интернетом овощей». Так, похоже у меня раздвоение личности началось, я уже не уверен, что моя память на самом деле моя.

– Ты сам здесь виртуальный овощ на виртуальной грядке, тебя высаживают, растят, поливают, окучивают, а затем едят.

Овощ? Тося словно имеет доступ к моим мечтам. И продолжает наседать, зажимая меня в угол ринга.

– А вот еще одна нестыковка, Валя. Почему ты получил работу по созданию виртуальных симуляторов для ВМФ? Я тебе освежу мозжечок. У тебя были нужные знакомые, мой лейтенант, потому что ты ранее служил, ранение получил во время Второй Черноморской войны. Отчего и прихрамываешь.

– Что ты несешь, девушка? Прихрамываю, потому что… артроз, наверное.

Черноморская война? А где я, в самом деле, был пятнадцать лет назад? Только газетки почитывал?

– В Ка-реальности тебе поменяли воспоминания, а ведь контр-адмирала Знаменского ты знал со времен службы.

– Тося, если тут всё виртуальное, и наши возможности постижения заданы программами, откуда это тебе известно?

Ее глаза, ранее какие-то неприметные, сейчас светились убежденностью и, кажется, даже стали больше.

– Я не подключена полностью, мое сознание может выходить в реальность. Я видела тебя там, и поверь, ты представляешь жалкое зрелище, что-то вроде зомби с висящими соплями. Твое физическое тело живёт на автомате: ест дерьмо, гадит под забором.

Я понимал, что надо, прошептав «чур меня», убегать, но не удержался и спросил:

– И как… выйти из полного подключения?

– С её помощью, – Тося понизила голос.

– Чьей? – и я инстинктивно понизил голос.

– Статуэтки Исиды. Это нелегальный коннектор, открывающий доступ наружу.

– Если мы в Ка-реальности, здесь не может появиться ничего, кроме того, что прописано сценаристом в сеттинге, а программистом в коде. Так что не пудри мне мозги. Лучше признайся, на кого ты работаешь? На немецкую БНД? Не завербуешь, фиг вам.

Тося показала на пальцах несколько цифр, словно спрашивая, достаточно ли этого вербовки, а потом снова «включила звук».

– Ты вроде Ка-дизайнер, а застрял в далеком прошлом, во времена тетрис. Сегодня виртуалка – это экспансивная система, играющая скрытыми и обучаемыми переменными. Она постоянно расширяется, чтобы не было сенсорного насыщения и ощущения ограниченности мира. Адресов этого коннектора в регистрах системы нет. Также как нет этой статуэтки в инвентарных списках музея. Ее появление может быть результатом сбоя системы с последующей несанкционированной генерацией кода.

– Откуда такая срочность, почему надо сваливать именно сейчас?

– Админы «Аменти» могут в любой момент найти коннектор Исиды. Сотрут за милую душу и тогда ты заперт здесь навсегда.

Нижняя челюсть болит, будто по ней всерьез двинули. Последний раз меня так угостили в прошлом году в кабаке, но я тогда, по крайней мере, ответку дал, пусть и потерял зуб. Почему, в самом деле, у меня ни разу не было насморка в последние десять лет и не болел живот, даже если лопал откровенную тухлятину? Почему я никогда не вспоминаю детство, кроме няшных новогодних праздников? И где я встречал тридцатилетие?

– Ладно, Тося, покажи мне свой проход, пусть это звучит

несколько двусмысленно.

Она торжествующе схватила меня за руку и потащила с мощью носорога в тот самый зал, со статуэткой Исиды. «Хватай» – орет спутница. Дальнейшее придало мне необыкновенную бодрость. На меня бросается демоница, её пасть стремительно увеличивается, будто выворачивается она наизнанку. Я с испуга цапаю статуэтку и подкатываюсь под Аммут. И уже не останавливаюсь, потому что меня несет река.

В виртуальном окне бежит служебная информация, которая говорит об установке соединения с другим пространством.

new Connection()

try myconnection = WorldsConnectionManager.setConnection(user, passwd, matrix channel);

Надо мной набрякшее низкое небо. Опустившаяся мгла сама излучает свет, неяркий, но подрисовывавший четкие контуры всему. За мной плывут-гребут клоны Аммут, однако вода вливается в их распахнутые глотки и тормозит их. А вот вам, чертовки, не догоните. Однако передо мной вздыбливается вода, возникает бурун, и из него вырастает очередной клон Аммут. Как я не стараюсь сманеврировать, падаю в огромную пасть, напоминающую мусорный бак.

5. Низ и верх

Я оторвал нос от забора, на котором осталась красная сопля, наверное, моя. Затем сделал шаг назад, чувствуя боль в суставах и отекшем лице. Поясница ноет, голова чешется. Сопли, если честно, свисают до подбородка. Я посмотрел на свои раздутые побуревшие пальцы с порезами и обкусанными ногтями. Похоже, я в реале, здравствуй, мир. Выходит, до этого я действительно присутствовал здесь как зомби, а мое сознание было заперто в Ка-реальности. Каких успехов, оказывается, добилась корпорация «Аменти». Сколько лет жизни украли у меня эти джентльмены? Пять, десять? По тому, как суматошно колотится сейчас у меня сердце, ясно, что этот факт мне сильно не нравится.

Погоди-ка, а Сета Рорфельда, главу «Аменти», я как-то видел до подключения. Щекастый такой коротышка, изображающий своего парня. Только к нему словно приклеены были два квадратных биомеха-телохранителя. Но, может, я лишь видел запись его выступления в сети. Рофельд рассказывал об опытах, проводимых на гиппокампе и энторинальной коре макаки. Они стали основой для разработки первого нейроинтерфейса, способного построить Ка-реальность в отдельно взятой голове. А на следующем этапе была создана принципиальная схема для преобразования сигналов Ка-сервера в соответствующие возбуждения «пространственных» клеток в гиппокампе человеческого мозга, которые затем запечатлевались в долговременной памяти. Человек запоминал то, чего с ним никогда не было, как то, что произошло именно с ним. Так появилось ноу-хау «Аменти» по переводу виртуальных событий в живые впечатления, становящиеся долговременными воспоминаниями. И было снято отчуждение между пользователем и его аватарой в виртуале…

Сейчас я отделился от своей виртуальной авы и попал не на виллу и даже не на дачу с огурчиками-помидорчиками. Я на пустыре. Местность неузнаваема, да и плохо просматриваемая – сумерки иногда прорезаются лучами мощных прожекторов. Словно обгрызенные здания с зияющими окнами и обвалившимися стенами, ржавчина, выедающая остовы машин, битый асфальт, сквозь который пытается пробиться травка – нет, не трава это, а драная проволока. Бахрома техноплесени на обломках бетона – она-то, расщепляя углеродсодержащие вещества, и развалила постройки. А, наверное, здесь когда-то был район строительных супермаркетов, мебельных магазинов и контор по продаже поддержанных тачек. Пыльный ветер разносит

по пустырю какую-то рвань и крепкие рекламные пузыри с мерцающими бодрыми надписями на боках: «Набери мой адрес и я твоя. Использование моего полносенсорного образа во всех мыслимых позициях – всего два си-юаня в минуту. Твоя Шизель».

То, что вначале казалось свинцовыми облаками, было высоким сводом, метров сто от поверхности. Тогда всё, что я вижу, своего рода огромный подвальный этаж – Untergeschoss, как говорят немцы, – над которым должно быть что-то ещё. Экранище, установленный на свинцовом «небе», показывает замечательные картинки заоблачной жизни. Дома, смахивающие на тропические фрукты, длинноногие дамы в джакузи, птички-цветочки, карликовые домашние слоники. Там светит солнце, насыщая всё сочным ярким цветом. Судя по логотипу в виде тростинки – рекламируется франшиза «Аменти. Твой город».

Но я не за облаками и не в Ка-реальности. Я нахожусь в отвратительнейшем из миров, реальном и подвальном.

Штаны мокрые и с подозрительными следами, отчего зябко и несколько стыдно. Сильно сосёт под ложечкой – я не ел, что ли, весь день? И хромаю куда сильнее, чем в виртуалке.

Такой реал мне не нравится. Вести здесь жизнь на автомате – куда ни шло, а сознанием пребывать – больно и утомительно. Ты мне крупно поднасрала, коварная кудесница Тося! Минуту я справлялся со слезами, до того обидно стало.

Я понятия не имею, что происходило со мной долгие годы – хотя видно, что ничего хорошего. Не особо помню и то, что было раньше, до подключения. Наверное, воспоминания совсем стираются из памяти, если к ним долго не обращаешься, засыхают как цветы без полива. Разве что имя не забыл, фамилию, плюс немного отрывочного из школы – иду куда-то с ранцем, а позади топает старшеклассник-бугай и дает мне леща. И кота своего помню, как нагло тащит колбасу со стола. На одной моей руке сейчас татуха – якорь, оставшийся от службы на флоте. В Ка-реальности его не было. Блин, я ещё хромой тут. И я помню почему – лежал в госпитале, а мне выковыривали куски евроатлантического железа из ноги – последствия высадки на «необорудованный берег».

Я пошарил в карманах своей драной куртки с обильными следами гуано – похоже, подлой птичке приплатили, чтобы она обгадила меня столь усердно. Пара зажигалок, пакетик с наркодрянью, налипающей на синапсы – после того, как вдохнешь её любой ноздрей, – складной нож со сломанным лезвием и работоспособной ложкой. Пощупал штаны – в карманах ничего, кроме мусора и дохлых жуков. Мои харчи, что ли? Плюс пластик жвачки. Сунул в рот жука, погрыз, не понравилось, зато от жвачки

пошли сладкие пузыри и голодная боль в желудке немного поутихла.

Метрах в двадцати у стены рухнувшего мебельного магазина дымит костер. От него несёт химической вонью, пластмассу как будто жгут. И заодно чем-то сильно вызывающем аппетит.

Я подошел поближе. Два одутловатых типа, в которых грязь въелась чуть ли не до костей, жарили на вонючем огне то, что напоминало расколотую голову динозавра.

– Чего пялишься, пёсик? – недобро спросил один из тех, с торчащим из шеи гвоздем, а может излучателем.

– Интересуюсь, что там у вас.

– Списанные материалы из центра биодизайна. Теперь отвали, шелудивый.

Но другой тип подскочил ко мне, обдав густыми ароматами старой мочи и свежего кала. Между его ладоней открылся объемный экран.

– Есть отличная работенка для мощных мужиков вроде тебя. Работа с телом, так сказать.

– В киллеры нанимаешь? Не пройдет. И вообще отойди на пару шагов.

Но он мне предложил кое-что похуже.

По экрану побежали разные человеческие органы с указанием цены.

– Ты чего? – отшатнулся я, защищая свои органы руками. – Не знаю, как у тебя, а у меня ничего лишнего нет.

– Твоё никто не заберет. Твоя печенка останется в целостности и сохранности, – вурдалак дружелюбно оскалил зубы, среди которых гнилые пеньки чередовались с острющими клыками. – В смысле, твоя старая заплесневевшая печень. Ты будешь выращивать совсем новые органы. И это не больно, даже приятно. Тебе вводят завязь органа с биоорганическим контроллером; куда надо втыкают иглу и всё. А в конце – полчаса под обезболивающим и готовый орган у тебя забрали. Кстати, пока он в тебе растет, ты получаешь сытную кормежку и койку. Прикладывай здесь свой палец и готово, контракт подписан.

– И что вырастет?

– Хрен на боку, – охотно подсказал первый тип.

– А чего тут особенного? – вурдалак, задрав куртку, показал на своем немытом теле кучу шрамов и, в самом деле, член в неположенном месте, причем, так сказать, модифицированный, в увеличенном формате и с двумя головками. А на другом боку, мягко выражаясь, анус.

– Чур меня, пока обожду.

Поспешно отойдя от костра шагов на сто, я сбросил со своей

шеи какую-то тварь. Потому что ужалила. Быстренько раздавил её своим ботинком, сделанным из обрезка шины и изоленты. Внутри у твари, в крохотной пластиковой емкости, капелька крови – наверняка, моей – и светящаяся точка фотонного кристалла, которая сразу погасла.

Да, тут многие хотят надкусить меня.

И вдруг надсадный крик – хриплый, но бабий. За полуразрушенной стеной цеха что-то происходило. Понятно, что – на пустыре все жили размеренной жизнью насекомых: жрали и совокуплялись, не спрашивая согласия. Это сопровождалось не только воплями, но и звуками, напоминающими шум работающей гидравлики.

Я, конечно, сказал себе: «Проходи мимо, не задерживайся». Но что-то показалось мне в том вопле знакомым. Кроме того, не люблю, когда кого-то при мне мучают, включая тех, кто относится к миру животных.

Я подхватил кусок арматуры, напоминающей чекан, и махнул в оконный проем. Ну, если, точнее, не махнул, а кое-как перевалился через подоконник.

Двое умело держали девку за ноги. Один из них немного не дотягивал до бога Шивы, и был всего лишь троеруким. А у нее руки были стянуты за спиной. Наезжал на девку еще один из этой кампании, в старом экзоскелете с раздолбанными шарнирами и той самой рыкающей гидравликой.

– Эй, проказники, чем вы тут занимаетесь? – начал тарахтеть я, как диск-жокей. – Вам, уже есть восемнадцать? А свежая справка из вендиспансера имеется?

Они обернулись, причем, быстрее остальных тот, что в экзоскелете. Он прыгнул на меня, я прокатился под ним, оказался сзади и врезал ему в контроллер приводов со стороны спины. Когда экзоскелет стал бесполезным и потянул насильника вниз, угостил его своим «чеканом» по бугристому черепу – сразу отключил. Хорошо подвернулся и другой мужик, арматурой попал ему по шее, отчего что-то сильно хрустнуло, – и, в итоге, тоже отключка. Троерукого вырубила девка высвободившейся ногой – в тот самый момент, когда он одной рукой потащил из кармана пистолет, а двумя другими выделывал всякие каратистские кренделя. В итоге, нокаут с кровавыми соплями – троерукий удачно стукнулся башкой о балку. Не ожидал я от жертвы насилия такой прыти.

– Развязал, быстро, – приказала она.

– Что-то ты больно боевая, с одного пинка мужлана вырубила. Прошу принять во внимание, что я ни одной даме ни в чем не отказывал и если даже щипал за попку, то прилежно

исполняя их указания.

– Давай же, ссыкун, живее.

– Так с избавителем не разговаривают, – напомнил я, но кинулся исполнять. – Тем более, что сегодня я не ссыкун, а скакун.

Наконец узел поддался. Девка, шутливо обозначив укус, двинулась шмонать своих пока не слишком подвижных обидчиков. И, обшмонав, направилась на выход, засовывая за поясок трофейный пистолет.

– А поцеловать на прощание, Андромеда?

– Я тебя так поцелую, Персей, мало что останется.

– Я ж не всерьез, красавица, понимаю, что это ты только за деньги. Но в качестве платы за спасение проведи мне маленькую экскурсию. Я только что выпал из Ка-реальности и попал явно не в лучший мир. Хочу на верхний этаж. Думаю, там объедков больше в сто раз, чем здесь еды.

– В этих франшизах от корпорации «Аменти. Твой город» неподключенных нет. И зомби объедков не оставляют.

– Лучше зомбари, чем здешние сознательные личности.

Я вначале подумал, что она показывает мне дулю. Нет, протянула на подушечках своих пальцев два линзопроектора для глаз. Грязные, поди.

– Гарнитура, обеспечивающая веселые виртуальные картинки? Обойдусь.

– Во-первых, они самоочищающиеся. Во-вторых, на них смотрят не изнутри, а снаружи, чтобы видеть в порядке ли носитель, пребывает ли его сознание благополучно в Ка-реальности. Они показывают идентификатор, уровень кислорода в крови, температуру тела, плюс набор кодов, обозначающих мозговую активность. На верхнем этаже без них нельзя. Так что сразу поставь и не потеряй, это твоя маскировка.

– Зовут-то как?

– Тосенька, – жеманно ответила она. – А ты можешь не представляться, красавчик.

Опа, как я прежде не догадался? Я б тогда несколько раз подумал, спасать ли тебя.

– Что ж ты раньше-то не назвалась, Тося?

– Когда меня собирались жарить три мужика? Ты бы на моем месте стал бы представляться?

– Пожалуй, ты права.

– Я всегда права. Так что не вздумай дать от меня дёру, Валентин Павлович, пропадешь. Ты выпал из приятной иллюзии, – теперь тебе понятно, что она была таковой – и реальность для тебя выглядит особо паршивой.

– Но ты-то здесь могла устроиться получше.

– Ага, принцессу хотел увидеть. Фиг тебе. Роль потаскухи – самое лучшее для маскировки, – нашлась Тося.

– Ты из «автаркических бригад»?

Тося достала пистолет и выстрелила, почти в меня. Я даже испугаться не успел. А бояться-то надо было кое-чего другого. К моей ноге подбиралась неаппетитная технотварь, похожая на серебристую многоножку – выползла из черепа, который тут оборонил кто-то вместе с прочими костями. Потом головка многоножки оказалась у Тоси в пальцах. Она поднесла эту дрянь к моему лицу в районе верхней челюсти и меня шарахнуло разрядом. Когда пришел в себя, у меня была опухшая и обожженная щека.

– Твой чип-контроллер больше не маячит. А бригады были да сплыли. Боролись против полного подключения всеми доступными средствами, вплоть до. Полностью разгромлены корпорацией «Аменти». Так что, из них я или из других, не имеет уже никакого значения.

Мы подошли к какой-то панельной многоэтажке, вернее, к тому, что от нее осталось после пожирания техноплесенью. Некоторые части постройки, казалось, висели в воздухе, без опоры, попирая закон всемирного тяготения. Но несколько лестничных пролётов были целы и мы поднялись на крышу, перепрыгивая через выпавшие ступеньки.

Тося подошла к самому краю крыши, на котором были нарисованы мелом две стрелки, и проинструктировала:

– Делай, как я. Только встань на вторую стрелку, не перепутай.

После чего упала, прямо «за борт», отчего у меня перехватило дыхание. Но она зависла в воздухе.

– Как я-а!

Тося уже взлетала вверх, словно ведьма на Лысую гору.

Я встал на край, только спиной, чтобы не видеть обрыв, вытолкнул все мысли из головы и тоже упал.

Ох ты, меня держала невидимая сеть – из углеродных нанотрубок, наверное. Не только держала, но и быстро уносила вверх, отчего все внутренности хотели вывалиться через задницу.

Полёт закончился в колодце, открытом снизу, где на трапике меня ждала Тося. И здесь было ощутимо теплее.

– Такой вот лифт в небеса. Наследие «автаркических бригад». – Она показала рукой на лебедку: – Тайно подключена к городской электросети. Эх, были времена.

Колодец открывался и в другую сторону. Мы выбрались через люк ливневой канализации на какой-то стройке. Я увидел

настоящее небо, впервые за многие годы. Даже закружилась голова, так эта бездонная синева потянула меня. У Тоси был там свой схрон, замаскированный под бытовку – можно было переодеться в форменный комбинезон и красивые кеды городской службы. Избавиться от своей прежней загаженной и вонючей одежонки, было для меня чистым удовольствием. В бытовке нашлись даже мочалка-грязеедка и сухой шампунь.

Переодевшись, мы вышли на многоярусную улицу, где я пялился больше не на постройки, а на людей. Сквозь прозрачные перекрытия они были видны и сверху, и снизу. Горожане прогуливались по аэропоническим оранжереям верхнего яруса, заходили в магазины нижнего яруса, в кафе среднего яруса. Здесь я убедился, что они не совсем люди. То, что у Ка-дизайнеров прозывается «Я-ОНО-ОНИ», или кратко ЯО – читай, осознание и своей личности со всем её говном, и своего взаимодействия с окружающим миром – отсутствовало у обитателей франшизы «Аменти. Твой город». Вернее, находилось далеко, в виртуале. Жители франшизы улыбались как ангелы, говорили «спасибо» и «пожалуйста», делали наставления детям – эти зомби, получается, то ли трахаются, то ли клонируются для расплода, – внешне весьма осмысленные. Делились впечатлениями от посещения курорта, ресторана и концерта. Но всё готовыми фразами: штампованный вопрос и такой же ответ, согласно алгоритму.

– Не пялься на них, – шепнула Тося. – Могут что-то заподозрить.

– У них же сознание в реальном мире не присутствует.

– Да, они на автомате, работают психопрограммы. Но человек и на автомате может много чего делать, в том числе, принимать решения и реагировать на внешние раздражители. Боксер чисто автоматически может так врезать, что костей не соберешь.

Я вовремя заметил, что в одном месте с верхнего оранжерейного яруса сильно накапало, целая лужа натекла. Надо осторожнее, чтобы не навернуться и не испачкать новый наряд.

И как раз Тося крупно мне «помогла», пихнув сзади. Я поскользнулся и налетел на какого-то толстячка. Он своей пружинящей массой жира так толкнул меня, что я перелетел через парапет и свалился на нижний ярус. Вообще, падение могло закончиться плачевно, но его замедлило ГМО-шное дерево с полупрозрачными листьями и корой, напоминающей пеструю чешую. В итоге, я оказался в лежачем виде при въезде на парковку. В паре сантиметре от бампера затормозившей машины.

– Простите, я виновата в том, что не пропустила пешехода, хотя вы появились так внезапно, – рядом со мной быстро оказалась водительница, красивая, кстати, дама, пусть и довольно

миниатюрная. Вначале она сказала это на английском, повторила на немецком, но заметив, что я не очень въезжаю, переключилась на русский. – Давайте я заплачу вам без дальнейшего разбирательства. Хочу, чтобы у меня был отличный социальный кредит.

– А я как того хочу. Знаете, у меня барахлит платежный чип, – нашелся я, несмотря на естественное ошеломление. – Может, дадите чип-койн?

– Разумеется, – бессознательная дама протянула мне радужный кругляш – и улыбочка такая милая, виноватая. – Подвезти вас?

– Ну, если…, – замялся я.

– Конечно, ему всё угодно, – рядом со мной появилась Тося. – Я его сестренка, младшенькая, подбросьте нас… к зоопарку.

– О да, садитесь, – охотно сказала дама.

Через секунду мы с Тосей оказались на заднем сиденье, и затейница-напарница подмигнула мне, мол, классно сработано.

Машина без участия дамы вырулила на проезжую часть.

– Как вы провели утро? – осведомилась она.

– Погано, её чуть не трахнули извращенным образом, а мне чуть не вырастили еще один анус, – честно начал я.

Тося ткнула меня в бок, прошипев «больной, что ли», и продолжила сама:

– Братишка заговаривается после черепно-мозговой травмы. Мы замечательно провели утро. Играли в магнитный гольф на полусферическом поле. Веселуха, но можно самому себе по тыкве попасть. Сейчас пойдем на зверей посмотрим, у некоторых из них в черепушке побольше будет, чем у людей.

– Я рада тому, вы весело провели утро, хотя поняла не все ваши слова. Где вас высадить? – дама отвернулась от нас, чтобы посмотреть на дорогу.

Тося показала руками, типа «придуши её». Я замотал головой. Такую милашку душить – я пас. В руках у моей напарницы появился шнурок, она прянула вперед и дама, подергавшись в опытных тосиных руках, обмякла.

– Ты зачем прикончила её, Тося-зараза? Я-то на мокруху не подписывался! Мы сейчас начнем ее расчленять и спускать в унитаз в общественном туалете?

– Ага, пора твою любушку туда. И любить в ней нечего, это программа. Теперь утихни, Валентин Павлович, не нужна она мне дохлой. Перетаскивай тело на заднее сидение.

Легонькая была и тоненькая, наша жертва. Когда я её перетащил, Тося стянула ей руки шнурком и рот пластырем залепила.

– Теперь порядок. Садись вперед, Валентин. Или хочешь трахнуть её вначале? Давай, расслабься.

– Владычица помойки изложила свои взгляды на любовь.

– Да ты, Валентин свет Павлович, с той же помойки и от той же параши. Ладно, поехали.

– Куда поехали?

– К ней домой. Отдохнем и всё такое. Я уже дала команду борт-пилоту.

Веки у дамы затрепетали и чуть приоткрылись. Я понял, что через несколько секунд её глаза откроются и в них будет полно ужаса, – а тело начнет дрыгаться.

– Кажется, она приходит в себя. Что делать-то, Тосенька?

– Необходимое. Если у неё скакнет уровень гормонов стресса, чип-контроллер засечет это и даст сигнал на сервер контроля. На-ка, засунь ей для расслабона.

Тося протянула мне на грязной ладони пару таблеток.

– Чего застыл, любовник? – рявкнула она. – Сдерни пластырь, надави пальцами на её щёки с обеих сторон, рот и раскроется.

– Запить-то чем?

– Плюнь ей туда. Ладно, вот, – Тося протянула мне бутылку воды, изъятую из бардачка.

Я, сдернув пластырь со рта дамы, заметил, какой красной стала кожа под ним. Начал давить пальцами ей на щеки – рот никак не раскрывался, а вот веки её дрогнули. Еще немного и примется сучить ногами.

– Сильней дави, остолоп, и сразу засовывай.

Я отчаянно сжал пальцы, закинул в открывшийся рот таблетки и залил воду. Глаза дамы открылись и округлились, она попробовала выплюнуть воду, но я оперативно закрыл ей рот ладонью. Так что она судорожно проглотила воду вместе с таблетками. Осталось только приладить пластырь обратно.

Машина проехала вдоль ряда домов, похожих ярким цветом и формой на арбузы и тому подобные «ягодки», и съехала к подземному гаражу дома-тыквы.

– Так, Валентин Павлович, чтобы дом ничего не заподозрил – а он представляет собой кибероболочку «Аменти. Милый дом», – надо, чтоб бабёнка вышла из машины вместе с нами. В наилучшем виде, без пластыря на физиономии и с развязанными руками, типа друзей привела. Зомбики ведь водят друзей в гости, потрахаться или порекламировать что-нибудь. Объясни ей.

– У нее же нет здесь ЯО.

– У нее здесь нет сознания, зато есть инстинкт самосохранения. Он и у рептилии есть. Работай с ней, как с животным.

– Животные разные бывают, я вот вспоминаю, какой у меня кот сознательный был, умел рыбок из аквариума вытаскивать. Я ведь почти ничего не помню из своей реальной жизни, даже не уверен, что меня зовут Валентин, а вот кота не забыл. Как лучшего друга, наверное. Куда он делся?

Меня тут и припечатала тоска, ведь я всех друзей потерял и вспомнить почти нечего.

– Действуй, Валя, или сперва я задушу тебя, – предупредила Тося. А что, эта может.

Я послушно обратился к даме:

– Когда я сниму у вас с лица пластырь, вы не должны кричать. Когда развяжу вам руки, вы не должны пытаться ударить кого-то из нас или дать какие-то команды кибероболочке. Если согласны – моргните.

Бессознательная дама моргнула без промедления.

– В случае, если вы попытаетесь выкинуть что-то такое – вас накажут, эта злая женщина охотно сделает вам больно. Если вы будете вести себя в соответствии с нашими пожеланиями – вам будет хорошо и приятно, и довольно скоро мы расстанемся. Воспринимайте нас как друзей. Вам понятно?

Дама снова моргнула.

Вот и чудненько, хотя и противно. Я её дрессирую так же, как хозяева Ка-серверов дрессируют нас.

Я снял пластырь и отметил с неудовольствием, что ещё ободрал ей кожу вокруг губ, развязал шнурок на руках – на нежных запястьях остались заметные красные следы. Порастирал их руками, вроде поменьше стали.

– Да что ты с ней возишься, как Ромео с Дездемоной, выходи первым и контролируй ее, – прошипела Тося.

Дверцы автомобиля взлетели вверх как крылья, я выбрался наружу и протянул руку даме. Она исправно подала мне свою мягкую ладошку, что внешне выглядело замечательно.

– Подойдите к сканирующей панели входной двери и четко скажите «со мною двое друзей», – шепнул я пленнице.

Она послушно сделала несколько шагов к входу и произнесла: «Милый дом, со мною двое друзей. Это новые друзья».

– Она даже дополнила твою фразу, чтобы та звучала как надо, по протоколу, – заметила Тося, когда мы садились в лифт. – Она слушается, но не тупо, а так сказать творчески.

– Значит, у нее здесь присутствует какая-то часть сознания?

– Скорее, правильная настройка автоматических реакций. Она же что-то вроде дрона.

Мы вошли в гостиную и Тося сразу прыгнула своим немалым

весом на огромный диван, напоминающий морскую волну. А текстура пола сейчас напоминала песочек на тропическом пляже.

– Дом, милый, ну-ка, сообрази нам пожрать, срочно, – рявкнула Тося.

– Нет, надо иначе. Милый дом, приготовь обед на троих, в средиземноморском стиле, - поправила дама.

Какой же у нее приятный голос, и по тембру и по ритму, просто звон колокольчиков. Не то, что Тосино карканье.

Напарница заметила умиление, нарисовавшееся на моем лице.

– Это потому что у чёртовой куклы сознание ничем не отягощено, по причине своего отсутствия. И тембр голоса, кстати, улучшается с помощью настройки речевого центра Брока через нейроинтерфейс.

Тося активно пошарив по полкам, нашла какой-то спрей и прыснула мне на раздувшуюся щеку – отчего я сразу почувствовал приятный успокаивающий холодок.

– Это патоцид, мощное средство от «Аменти. Здоровье». Молекулярные машинки, которые демонтируют любые патогены и запускают регенерацию клеток.

– Вам нравится мой диван-трансформер? Мне тоже, – обратилась бессознательная дама к Тосе. – С ним я могу быть такая, какая я есть. Шаловливая, креативная, страстная – в зависимости от того, какую форму имеет диван. Вы можете заказать его в «Никее», доставка бесплатная, как и на все товары со стоимостью от пятисот си-юаней.

– Мой бог. Эту трепотню придется терпеть еще несколько часов, – Тося даже сплюнула. – Фирмы-рекламодатели оплачивают ей часть содержания за то, что она агитирует за их продукцию.

– У вас странные друзья, – сказал «милый дом» нашей хозяйке, когда мы обедали в столовой комнате, выполненной в стиле арт-деко.

– Ты забыл, о мой милый дом, что скоро карнавал. Значит, нашу индивидуальность должна подчеркнуть странная одежда и эпатажный стиль поведения, – пояснила дама.

– Вдруг вспомнил, как десять лет назад, до всякой Кареальности, я был в гостях у состоятельных швейцарцев, – вступил в беседу я. – Они такие же речи толкали. Минут двадцать мне рассказывали, как для спасения мира важна раздельная сборка мусора. Может, у них уже тогда не было сознания?

– А я десять лет назад под стол пешком ходила, – откликнулась Тося. – Потом пошла валом роботизация и автоматизация, не автоматизированы оказались только самые

дешевые рабочие места. Народ, конечно, очень кисло на это смотрел. Как у Пушкина про первую промышленную революцию: «Посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию».

– Да ты и Пушкина читала.

–Слушай, я и в школу ходила. Была в первой группе трудных подростков, которых должны были полностью подключить к Ка-реальности. Было решение по линии ООН, что в виртуалке детишки будут не только отдыхать, но и продолжать обучение. Но что-то вируснуло, и виртуальная учительница замучила не один десяток детишек. Не насмерть, но почти. Их срочно отключили, лечили им психику. И, усовершенствовав виртуальную училку, стали подключать детвору снова – проект уже передали корпорации «Аменти», под которую легла та самая ООН. Я взяла и дала дёру из дома, сюда вот добралась. Тогда с «подвального этажа» удавалось ещё на небо посмотреть, свод не был сплошным. Можно было на складе коробки расставлять, какой-никакой заработок. «Автаркические бригады» зажигали и давали надежду, типа выведем всех вас из виртуального Египта. Но однажды всё кончилось. Членов «автаркических бригад» похватали и законопатили в виртуальные тюрьмы «Аменти». Я осталась единственная из организации, кого не повязали.

– А почему ты, Тося, единственная, кто может перекидывать сознание из Ка-реальности в сраный реал и обратно?

– Потому что я унаследовала коннектор Исиды от бригад, – скупо ответила Тося и переключилась на третьего участника нашей трапезы. – А вы точно одна живете, женщина?

– Конечно, одна. Жить большими семьями уже не модно, моя дорогая. Семьи стесняют нашу свободу. Собралась я позаниматься йогой, а дети сразу захотели на горшок. Хочу кататься с подругой на сексборде, а мужу понадобилось, чтобы я готовила ему клецки.

– Тося, мы можем вернуть её сознание в реал?

– И вы поженитесь? Ладно, подумаю. В принципе, я хочу сделать тебя счастливым.

– После таких слов надо всегда проверять, не пропало ли что из карманов.

– Ваши друзья общаются не по алгоритмам, зарегистрированным в репозиториях «Аменти. Светская жизнь», – обратился «милый дом» к даме. – Я зафиксировал это в основном журнале событий.

Тося взяла вилку, молча вышла из столовой, после чего я услышал звук ломающегося пластика и ее слова: «Хрен ты чего зафиксируешь без процессора». Затем Тося пела в сортире и

испускала какие-то троглодитские крики в душевой. До чего вульгарная деваха.

Дама смотрела на меня своими глубокими прекрасными глазами. Таинственно и бессодержательно. Примерно, как кошки смотрят на хозяев.

– Вы меня не убьете? – неожиданно спросила она.

– С чего вы взяли? Конечно, нет. Считайте меня своим новым коучем.

– Я так и решила, что вы меня не убьете, поэтому вызвала полицию – у меня есть секретный канал связи. Она прибудет с минуты на минуту. Извините, но вы мне не нравитесь. Вы плохо выглядите и от вас пахнет по́том, если не сказать фекалиями. Могу порекомендовать вам дезодорант марки…

Я, промчавшись по коридору, ворвался в душевую. Тося, которая уже одевалась, приняла оборонительную стойку.

– Она полицию вызвала! Выметаемся.

– Ах ты ж, чувствовала, что надо держать ее под таблетками. Вечно вы, мужики, со своим гуманизмом влезаете.

Тося еще заскочила в кладовку и прихватила красивое шило, изрядно напоминающее стилет, и молоток-топорик, обычно используемый для барбекю на природе. А затем мы влетели в гараж и плюхнулись в автомобиль.

– Давай, выезжай, – заорали мы с Тосей борт-пилоту.

– Доступ не авторизован, – обломал нас борт-пилот.

Тося сорвала переднюю панель приборной доски и выколупала шилом похожий на крупную снежинку контроллер.

– Всё, борт-пилот скопытился. Ты хоть водить машину умеешь, дизайнер?

– Обижаешь, я когда-то и БТР водил.

На выезде из подземного гаража мы чуть не столкнулись с подъезжающей полицейской машиной.

– Не останавливайся, Валя, заклинаю, – зарычала Тося.

Я ударил по газам, проехал борт в борт с полицейской машиной, смяв её открывающуюся дверцу.

Но, проехав пару десятков метров вперед, дал резко назад.

– Ты чего, шизанулся? – взвизгнула Тося, но сразу уловила идею.

Я въехал сзади в полицейскую тачку и спихнул её по пандусу в подземный гараж.

Из машины оперативно вылез коп и стал двумя руками наводить пушку. Но Тося уже запрыгнула на крышу полицейского автомобиля и решительно двинула копу по фуражке молотком для мяса. Пару раз. То, что было под фуражкой, треснуло, но ударенный полицейский, по счастью, оказался технозоидом. Из

машины полез другой коп, однако я успел, ухватив его за шиворот, припечатать ему голову дверцей, и он обмяк.

– Валентин, не бери их оружие, оно с маячками. Если что, лупи их снова по тыкве, а я сбегаю в дом за бабёнкой.

Через минуту Тося появилась, таща даму за волосы. По дороге добавила молотком копу-технозоиду, который уже начал собирать шарики-ролики в своей треснувшей голове. На сей раз оттуда посыпались яркими блестками фотонные кристаллы.

– Чего пялишься, Валя? Это не праздничный фейерверк, а печальный конец мыслящего существа. Дави на газ, что тебе каждое действие подсказывать надо.

Когда мы были уже на автостраде, дама строго сказала:

– Я вас не знаю. Почему вы в моей машине? Покиньте её немедленно.

– У неё, что, прошла перезагрузка? – спросил я у Тоси.

– Похоже на сбой. У зомбиков имеется какой-то контролируемый Ка-серверами объем памяти для функционирования в реальной среде. Но он словно обнулился – такое бывает при его переполнении в критических ситуациях.

– Вы кто? – несколько раз повторила бессознательная дама.

– Ваши друзья, – вкрадчивым голосом отозвался я. – Познакомились сегодня утром. Мы уже были у вас в гостях.

– Сейчас отвезем зомби-гражданку в ремонт, – сказала Тося и, заметив мое недоумение, пояснила. – В медицинский центр «Аменти. Здоровье», где занимаются программной и аппаратной частью, нейроинтерфейсами, контроллерами и так далее; в общем техобслуживанием таких персонажей.

– Ты чего? Нас самих там отремонтируют по самое никуда.

– Нам нужно узнать постоянный сетевой адрес нашей крошки. Без него не влезть в её системного агента – это такая программно-аппаратная штука, устанавливаемая на персональный чип-контроллер. Он превращает внешние вызовы в команды для нейроинтерфейса, в том числе и по обращениям к памяти.

– Я не хочу в медцентр. Я в порядке, – решительно заявила дама.

– Вы функционируете ненормально, вы не помните того, что происходило утром. Вы можете представлять угрозу для нашей демократии, – суровым голосом произнесла Тося и подмигнула мне.

– Хорошо, – легко согласилась дама. – Я не хочу представлять угрозу демократии.

Через пять минут мы были на приемном пандусе медцентра.

– Почему вы доставили субъекта с идентификатором A876X к

нам? – спросил робоприемщик.

– Увидели, что он функционирует неправильно.

– Радует, что увидели. Ждите в боксе пять.

Встречающий нас в боксе не был человеком. Технозоид-спиннер, напоминающий паука – головогрудь в карбоновом футляре, шесть конечностей, прозрачное брюшко со всяким инструментом.

Дама легла на операционный стол. И я еще раз убедился, что она замечательно сложена. Такая и без сознания прекрасно обойдется.

Технозоид подключил нейроконнектор к даме, вставив его в разъем в районе пятого шейного позвонка, потом развернул свою лицевую панель к нам.

– Сейчас я начну работать с субъектом А876Х, но сперва должен проверить ваши данные. Стойте спокойно, я считаю их.

– Вам что недостаточно идентификатора, который выводится на наши линзопроекторы? – завозражала Тося.

– Я должен считать ваш постоянный сетевой адрес, чтобы направить вам уведомление о штрафе, если ваше обращение в наш центр окажется необоснованным.

Одной из своих конечностей технозоид расстегнул себе брюшко и достал из него сканер.

И тут Тося ударила его шилом в футляр головогруди. Рука у нее крепкая, ничего не скажешь – так что пробила. Из дырки брызнула красноватая гемолимфа поврежденных органических чипов. Технозоид сразу и замер, как истукан.

– Тося, сейчас на нас начнут охоту. Мы засветились по полной.

– Пока нет. Сервер контроля будет этого спиннера опрашивать только через несколько часов. Регистраторы я ему тоже попорчу, никуда не денется, – ещё пара Тосиных ударов топориком и футляр раскололся.

Она вытащила из системной шины технозоида пластину резервирующей памяти и вставила в слот информационного терминала, установленного в боксе.

– Раз – и нашелся идентификатор этой цыпочки для базы данных «Аменти. Мой город». Два – и обнаружился её постоянный сетевой адрес. Значит, есть доступ к её системному агенту.

Тося вывела из базы «Аменти. Твой город» на терминал все сведения по нашей жертве, вплоть до того, когда случились последние месячные. Фамилия и имя. Не особо интересная биография, работала то секретаршей, то официанткой. Семь лет, как была полностью подключена.

Да уж, ирония судьбы. Семь лет назад у нее немало проблем,

злоупотребление алкоголем, отсутствие постоянной работы. Задерживали за приобретение нелегального наркода, жила в каком-то коливинге, где на каждого жильца по клетушке, в которую только одна кровать помещается. А сейчас она вся в шоколаде, у нее даже интерьеры в стиле арт-деко. Прямо готовый рекламный слоган: «Отключи сознание и наслаждайся».

– Теперь код распаковки сознания отправляем системному агенту твоей любимой и очень скоро она вернется в реал.

– Погоди, Тося, а откуда ты знаешь код?

– Я ж из «автаркических бригад».

Ещё несколько прыжков мощных Тосиных пальцев по старомодным клавишам терминала и она скомандовала:

– Отсоединяй её нейроконнектор. А мне нужно спалить её чип-контроллер, иначе нашу цыпочку быстро найдут. И нас вместе с ней.

Тося выудила пару электродов из разъятого брюшка технозоида и засунула их «цыпочке» за щеку. Потом разряд и из-за рта у неё пошёл пар.

– Готово, теперь потащили её в темпе. Если сознание распакуется у неё прямо здесь, может случиться шок.

Сознание вернулось к женщине, когда мы были уже в автомобиле. Она попробовала выпихнуть меня из кабины на полном ходу. И у неё почти получилось. Я уцепился за ее ногу, а она стала меня истерично пинать. Потом хотела задушить Тосю, но та ответила без всяких церемоний, как на пустыре принято.

Пропустив удар, дама ойкнула и стала хватать воздух.

Я влез по её ноге на сидение обратно, закрыл дверь, отдышался и сказал:

– Поумерьте вашу физическую активность, дамочка.

– Хватит меня лапать! – нет, это был голос не зомби с отсутствующим сознанием.

– Вы первая начали выпихивать меня своей замечательной ногой на проезжую часть.

– Вообще-то мы, доктор Ахманн, вернули ваше сознание в наш бренный мир, – сказала Тося. – Благодарить надо, руку целовать, а не лягаться как бешеная кобыла.

– Доктор Ахманн?! – от неожиданности я прямо-таки подскочил и чуть не пробил головой потолок автомобиля. – Тося, почему ты раньше даже не намекнула?

– Потому что если б ты попал в руки копов, то провалил бы мне операцию.

– А я вас просила возвращать? Теперь меня, также как и вас, разыскивает полиция, – доктор Ахманн сплюнула кровью. – Вы мне ещё и челюсть повредили, уроды.

Голос у Тоси зазвенел от злобы:

– Ахманн, ты мне жизнь повредила так, что от неё осталось одно дерьмо. И если ты будешь активно изображать неблагодарную дуру, я тебя кое-куда пристрою, причем на нижнем этаже. Например, в бордель для извращенцев «Мальчик-с-пальчик». Фифочек вроде тебя собирает и Электра Пенисман. Там с твоей челюстью будут обращаться очень деликатно. А мне дадут за тебя тысячу си-юаней чип-койнами. Десять процентов Валентину за труды. По-моему неплохо, а напарничек?

Доктор Ахманн побледнела, затем покраснела. Видно, что сознание у нее работает.

– Что тебе от меня надо, Таисия? – вполне уже вежливым голосом спросила она.

– Ты можешь нам дать информацию о физическом расположении Ка-серверов.

– Но тебя-то интересует другое – как добраться до коннектора Исиды, – сказала доктор Ахманн.

После этих слов они начали драться. Схватка была недолгой, так что я особо и среагировать не успел. Тося потянула пистолет, доктор Ахманн выбила его, уклонилась от удара в голову, вывернулась из захвата и произнесла:

– Отключись, код 2-8А.

И Тося послушно отключилась.

Доктор Ахманн, разобравшись с Тосей, сразу вытащила спрей с патоцидом у неё из кармана и прыснула себе в рот. Затем обернулась ко мне.

– Нам есть о чем поговорить.

5. К орбитальным серверам

Сознание Тоси ушло обратно в Ка-реальность, причем полностью. Как удовлетворенно сказала доктор Ахманн: «С концами». И добавила, что Тося – бывший член разгромленных «автаркических бригад», тянет срок, сейчас исправно работает на «Аменти», надеясь заслужить снисхождение. Бедняжка, наверное, хотела бы улучшить условия своего виртуального заключения. Вырастить, к примеру, в камере вирт-кактус для уюта или заиметь еще более уютного кота-мурлыку, или хотя бы поменять пейзаж за окном. Но, чтобы начальство наградило тебя соответствующими интерфейсами, придется продать ему не только душу, но и бывшего соратника.

Тосе надо было вытащить сведения из доктора Ахманн – в первую очередь, как найти и получить доступ к коннектору Исиды, адреса которого не было в регистрах системы. Естественно, для этого пришлось выступить в роли спасительницы, освободившей сознание доктора Ахманн из виртуала.

Сет Рорфельд считал, что коннектор Исиды был закинут в Ка-реальность усилиями «автаркических бригад» во главе с Ахманн. Но, чтобы немедля прищучить эту «вскормленную на груди гадюку», не хватало улик. Ведь она сама отключилась от реальности, заранее стерев адреса всех важных страниц своей физической памяти, записанных системным агентом.

И если бы Тося вытянула из доктора Ахманн нужную информацию, той бы влепили серьезное обвинение с последующим вечным заключением в виртуальной тюрьме, которая хуже любой реальной, потому что означает похороны заживо...

Мы вынесли Тосю из машины на дорогу и оставили под дождичком в виде древнеегипетской статуи. А вот доктор Ахманн, которая напоследок отвесила Тосе хороший пендель, совсем не напоминала статую. Она много знала, у неё имелась цель, к тому же к ней перекочевал Тосин трофейный пистолет и «шило» из ее собственного дома – как выяснилось, это был стилет марки W-90 из карбида вольфрама. Хотя ЯО доктора Ахманн пребывало многие годы в виртуале, она предвидела появление кого-то вроде меня с Тосей. А сейчас нам предстояло оторваться от полицейских технозоидов, которые мчались навстречу на своих моноциклах, потому что местоположение Тоси им было хорошо известно.

Пока я думал с чего начать, доктор Ахманн, поражая

гибкостью тела, нырнула под днище машины и вытащила оттуда пару полосок чего-то напоминающего пастилу, пакет вроде как с капельницей, кислородную маску и баллончик с аэрозолем. Предназначение «пастилы», маски и «капельницы» я узнал позднее, а из баллончика меня опрыскали сразу. Мигом подсохнув, бывший аэрозоль создал метамерное покрытие, которое искажало прохождение волн значительной части электромагнитного спектра. Так, что они огибали мое тело, не отражаясь. Ясно, что все эти ништяки доктор Ахманн заготовила заранее, до своего отключения.

Минут через десять мы, так сказать, пересели на другой транспорт. После того, как два моноцикла с полицейскими выскочили прямо на нас. Одного из них я от испуга ударил бампером машины так, что он превратился в летящий и врезающийся в стену объект, а второго изрешетила доктор Ахманн, разрядив в него почти всю обойму пистолета.

В три больших прыжка, словно и не гуманитарий, а натуральная богиня, моя новая напарница догнала автоцистерну на повороте, скок и уже там. Словно прилипла. Наверное, у нее генная модификация кожи на ладошках, отчего они становятся как рыбки-прилипалы. И мне пришлось присоединиться к ней, ухватившись за пенал сливных рукавов. А потом мы еще три раз «пересели». Но если она напоминала порхающую бабочку, то я прыгающую лягушку. Когда я уже был готов упасть как хлам на дорогу, мы оказались на каком-то складе.

Здесь, под высокими готическими сводами, нас окружила мрачная атмосфера огромного стеллажного хранилища разной всячины, работающего на космические перевозки по всей Солнечной системе. Эта атмосфера угнетала меня и потому, что я уже понимал, что для меня придумали какой-то очередной подвиг. Из погрузо-разгрузочного агрегата марки «Гекатонхейр», находящегося посредине, выходили десятки многочленных рук-манипуляторов, которые орудовали на стеллажах, как я в своих карманах: ставили, снимали, переставляли. В итоге, грузы в тетраэдрических и кубических контейнерах попадали на роботележки, которые бодро катились на терминалы, где их дополнительно пакетировали и отправляли на космодром.

Доктор Ахманн подвела меня к тетраэдрическому контейнеру на нижнем ярусе, нажала невидимые кнопки виртуальной клавиатуры и одна из граней тетраэдра раскрылась. Изнутри интенсивно пошел морозный пар. Я заглянул внутрь криоконтейнера. Из прозрачных пакетов на меня в ответ посмотрели лица. Самые разные, по форме, цвету, некоторые даже с усами.

– По грузовым документам контейнер идёт назначением на Ипсилон-1, а Ка-серверы находятся именно в этом орбитальной модуле, – сказала доктор Ахманн, и посмотрела вверх с легкой грустью. Груз – запчасти для биомехов фирмы «Фрэнки'н'Штайн», хранятся и перевозятся при температуре минус тридцать, так что здесь контейнер охлаждается, а в космосе подогревается.

И напарница изложила мой дальнейший маршрут. Я же засомневался, очень сильно:

– Дорогая доктор Ахманн, идея прилететь на орбиту в виде холодного груза на грузовом шаттле мне не шибко нравится, хотя я понимаю, что ни один живой объект с нормальной температурой тела не попадет туда из-за свирепого биоконтроля. Только из криоконсервации никто никогда сам не выходил. И к моей замороженной тушке это однозначно относится.

Доктор Ахманн невозмутимо приладила к моей ноге то самое инфузионное устройство. И строго взглянула на меня, как царица Хатшепсут при исполнении.

– Валентин, здесь четыре ампулы, контроллер и привод с питанием от изотопных батареек. Из одной ампулы в вену войдет коктейль из анестетиков, глюкопротеинов-антифризов, белков-шаперонов и ещё ряда биопротекторов. Из другой – уже на «Ипсилон-1» – вам будет введен расконсервирующий перфузат; надеюсь, по времени не будет ошибки, – сказала она таким голосом, словно разговор о том, чтоб слопать пару бургеров.

– И кто-то захлопает крылышками? – я вымученно улыбнулся.

– Конечно, только не сразу. Изнутри контейнер открыть невозможно, но на приемном терминале его откроют снаружи, чтобы выгрузить пакеты. Через несколько часов этот контейнер загрузят отработанными частями биомехов и вы отправитесь в обратный путь. В вашем распоряжении на «Ипсилон-1» будет достаточно времени. И, скорее всего, у вас там найдутся помощники, – загадочно сказала доктор Ахманн.

Изнутри открыть невозможно – если что, контейнер превращается в саркофаг, а я в Рамсеса Пятого. Или Десятого.

Понятно, что взгляд у меня был недоверчивый, а может и затравленный. Наверное, поэтому доктор Ахманн добавила:

– Мы ведь были с вами близко знакомы, Валентин.

И впервые засмеялась. Как-то неумело, не очень у нее это получается. Мне стало некомфортно, ведь ясно, что с такой дамой, как доктор Ахманн, ничего путного у меня бы не вышло. Даже с моим воображением тяжело представить, что она на нашей кухне печёт блины или варит гречку. Я ведь простой парень из Гатчины. Никак не вспоминаемые мною предки, скорее всего, были обычными работягами на местном заводе

«Буревестник», где делают канализационные трубы. Доктор Ахманн же из тех, для которых ребята вроде меня – это, мягко выражаясь, второй сорт. Если мы нужны, из нас могут выжать сок, не надобны – выбрасывают. Но мне хочется и поверить ей, как бомжу, которому намекнули, что он, в натуре, граф де Блуа-Шампань, потерявшийся в детстве.

– И где мы познакомились, доктор Ахманн? Неужели в трамвае?

– Работали над одним проектом для «Аменти».

– Перелом руки как-то связан с вами?

– Подъемник на лыжном склоне вдруг стал быстрее работать, вы пытались притормозить кресло, чтобы я могла спрыгнуть – глупое, конечно, решение, – и вам чуть руку не раздробило.

– Что за проект, доктор Ахманн?

– Над «неограниченностью» виртуального мира. Сет Рорфельд предоставил вам то, что записали его нейроинтерфейсы, рандомно подключенные у нескольких испытуемых к отделам мозга, не связанным с сознанием. И вы создали программу, именуемую «объектный пионер». Этот самый пионер мог «зайти» в бессознательное и переработать его запросы в цифровые объекты.

Приятно, конечно, узнать про себя такое, да только как понять, не разыгрывает ли меня доктор Ахманн?

– Пионер? Чудное название. Это ж получается что-то вроде брокера объектных запросов, программный посредник для обмена данными между разнородными средами.

– Видимо, Валентин, вам тогда показалось, что название, обозначающее первооткрывателя, больше подходит для программы, которая работает с бессознательным. Рорфельд хотел решить сугубо техническую проблему, возникающую, когда пользователь утыкался в границы виртуального мира и срабатывал стоп-алгоритм. То есть, возникала стена, пропасть, начинались сюжетные выкрутасы – ломался автомобиль или спотыкалась лошадь, так что дальше никуда. Пионер должен был вылавливать из белого шума нейронных связей запросы бессознательного и с их помощью расширять Ка-реальность «на лету». А пользователь воспринимал бы её, как неожиданную и интересную. Однако Рорфельд разгадал, что «объектный пионер» выпустит из бессознательного такие сущности, что способны разрушить ту систему, которую он построил.

Звучит складно, неясно только одно:

– И что вы тоже собрались сломать эту систему? Разве вам плохо работалось в корпорации «Аменти»? Премии, бонусы, корпоративы и всё такое.

– Дело в вас, Валентин. Точнее, в нас. Сет Рорфельд посчитал, что «объектный пионер» не только ваша, но и моя программа. Дальнейший выбор был для нас с вами невелик, в списке лишь один пункт: полное подключение с полным и окончательным подчинением. Подключили сперва меня, потом вас. Только окончательного не вышло. Может быть, какой-то объект всё же успел выйти из бессознательного…

Доктор Ахманн помогла мне завернуться в теплоизоляцию и надела мне на лицо кислородную маску с пузырём оксигеля. Даже поцеловала перед этим. Правду сказать, я попутно ничего не вспомнил. Может быть потому, что все поцелуи от приятных дам – весьма хороши и одинаковы.

В мой кровоток вошел первый коктейль. И в тот момент, когда засыпал, как молитву читал про себя план дальнейших операций. На грузовой терминал космопорта меня должны доставить в виде консервов, никакого тепла и прочих признаков жизни. Только в этом случае средства биоконтроля меня не заметят. И огнестрельное оружие мне не полагалось – его не пропустят терагерцевые сканеры, ведь на орбите любой выстрел означает как минимум разгерметизацию, – так что в заначке только «шило». Далее быстрый подъем на орбиту с перегрузками, которые я б не выдержал, будь в нормальном человеческом виде.

В холодном сне кошмары людей не мучают, да и какие они люди в это время – просто замороженное мясо. Но перед самым пробуждением я вдруг увидел себя и доктор Ахманн – в самом ярком воспоминании, которое ничто не смогло уничтожить. О том, как тот чёртов подъемник вдруг ошалел, и я так испугался за Таис, как ни за кого еще не боялся.

Я вышел из криосна – и понял, что по-прежнему в контейнере. Линзопроектор показывает лишь уровень кислорода в моей крови, земное время и отсутствие связи. Еще минут пять я бился от боли, жуткий конвульсиум, пока, наконец, не согрелся адреналином из ампулы. Но контейнер по-прежнему был закрыт. Запаса оксигеля хватит на полчаса. А очередь до этого груза дойдет, может быть, через неделю, когда я буду уже напоминать засохшего жука из своего кармана. Но прошло десять минут, заполненных моими переживаниями, и дверца контейнера открылась с самым приятным для моего слуха скрежетом – началась выгрузка. По ту сторону контейнера меня встретил приветливым безглазым лицом универсальный робо-тяга. Так что пришлось увиливать от его огромных лап, выкладывающих пакеты на транспортер. Я находился на приемном терминале для грузов с Земли. Пустовато тут было. Видно, что рассчитан он на куда бóльший объём грузовых операций, но сейчас общение

орбитальных поселений с гравитационной ямой Земли серьезно сократилось, поскольку обитаемый космос, в основном, обходится своими ресурсами. Такая пустота поспособствовала тому, что мой контейнер обработали быстро – доктор Ахманн всё предвидела.

Модуль Ипсилон-1 относится к «космической змее» орбитальных поселений и производств, обвивающих Землю. Имеет производственно-складское назначение. Искусственная гравитация где-то в половину земной, приятная температура ноль Цельсия и воздух с сильным привкусом озона.

Из складского отсека надо было опуститься на грузовом лифте на три уровня вниз, что я и сделал, смирно улегшись под какие-то тяжелые тюки.

Но когда я выбрался из-под тюков, послышался топот множества ножек. И охнуть не успел, как на меня набежали с двух сторон. Сияющие лезвия заточенных хелицеров, восемь паучьих глаз – это пара технозоидов-спиннеров с эмблемами службы безопасности на футляре. Увы, я не тот стремительный герой из Ка-сериала, который всегда готов уконтрапупить врага. Упал почти от страха, но все-таки попал одному из спиннеров ногой по оптике, и он стал метаться во всех неверных направлениях. Другому воткнул вольфрамовое «шило» меж грудных панелей – и дальше он только вибрировал. Похоже, задета шина данных.

Едва я поднялся и отряхнулся, как новая атака. Меня брякнуло о переборку так, что чуть не выплеснулись наружу все физиологические жидкости. Биомеханическая веспа, стрекочущая короткими прозрачными крыльями, держала меня своими цепкими шестью схватами. Вот-вот саданёт острым шипом размером с хорошую шпагу и с сияющей атомарной заточкой. За мгновение до того, как веспа определилась бы, где у меня бьется сердце и нанизала на свой шампур, я плюнул ей на фасеточную оптику, причем метко. И, ухватившись за её шпагу одной рукой, другой ударил «шилом» в сочленение между головным цилиндром и грудным щитком. Пять раз. Затем отшвырнул технотварь. Благодаря половинке гравитации она усвистала куда-то вдаль.

Я не стал ждать, пока она вернется, и бодро двинул по предписанному маршруту, оставляя за собой следы гемолимфы, которая натекла из продырявленных биомехов.

Повороты, трапы, пандусы – надеюсь, доктор Ахманн ничего не напутала.

И вдруг передо мной опустился широкий пандус, а на нем внушительная фигура биомеха-кракена. У него была почти человеческая голова и куча гибких манипуляторов, напоминающих щупальца. В общем, те самые тентакли, которые

нужны идеальному роботу-ремонтнику. Я повернулся, выглядывая путь отступления. Но пути не было. Потому что технозоид, напоминающий смесь таксы и крокодила, то есть крокопса, только с четырьмя челюстями, перегородил мне проход. В обычной жизни его, наверное, использовали для обследования систем водоснабжения и канализации.

Значит, остается последнее, по-быстрому разобраться с кракеном. Я подкатился под одно щупальце, перескочил через другое, оттолкнувшись от переборки. И понял, что третье щупальце, снабженное дрелью, сейчас просверлит мне печенку. А четвертое упакует. Но тут кракена снесло в сторону. Его щупальца перестали заниматься мной и охватили крокопса. Тому поначалу пришлось несладко, бьётся в этих тентаклях как муха, надрывно шумит пневматикой. Но за какие-то полминуты крокопёс перекусил все щупальца своими челюстями. Высвободился и хрумкнул головой кракена, как леденцом. Затем гордо встал на задние лапы, изрядно напоминая уже Анубиса. Ростом он был намного выше меня, где-то два с половиной метра. И вид имел недобрый; три многоканальных глаза посвечивали багровым, с зазубренных челюстей свисала пузырящаяся гуща – потроха кракена-неудачника. А еще у крокопса был рыжий, точнее, несколько проржавевший хвост, который состоял из острых металлических пластин.

Хотя он остался на месте, его челюсти потянулась ко мне, сильно выдвинувшись вперед. Внутри меня всё обвисло, словно мокрое белье на веревке. Но технозоид, повернувшись, мирно повилял рыжим хвостом – мол, покажет мне дальнейший маршрут. Как любимый песик доктора Ахманн.

Крокопёс оставил меня около мощной двери, не имеющей ни ручек, ни рычагов. По сторонам от стыка, где соединялись две бронеплиты, я приклеил полоски той самой «пастилы». Одна из них даст сильный электромагнитный импульс, вырубающий электронику двери. А вторая добавит эффект взрывной коррозии.

Вспышка – я, хоть и отвернулся, ослеплен на полминуты. Потом луплю ногой по бронеплитам, с третьего раза они становятся распахнутыми створками – добро пожаловать. Ну, здравствуй, крупнейшее за всю историю хранилище информации, где хранятся миры и личности. Миры-ловушки, созданные корпорацией «Аменти», и личности, захваченные корпорацией «Аменти».

Здравствуй и прощай. Готовлюсь уничтожать Ка-серверы; внутри у них спинтроника и микротрубки охлаждения, поэтому они тонкие, почти как бритва, и каждый из них не занимает много места. Однако не видно, какая часть кольца «космического

змея» занята ими; их ряды, напоминающие грядки, уходят за поворот.

Я принимаюсь дырявить своим «шилом» Ка-серверы. Из пробоин бьют струйки охлаждающей жидкости; она мгновенно испаряется и усиливает туман, который затягивает всё огромное кольцевое помещение.

Я прошел совсем небольшую часть «грядки», когда заиграла бодрая цирковая музыка, бабахнули фейерверки и послышался всепроникающий голос.

– Господин Осин, поздравляю, вы в ж…

Окончания фразы я не услышал. Со всех сторон хлынула грязь и вязкая тьма поглотила меня. Слишком поздно я понял, что это – Ка-реальность.

6. Побег из тюрьмы

Я в тюрьме. Виртуальной, будь она неладна. Что происходит с моим физическим телом, не знаю и не узнаю никогда. Жизнь моя пройдет в кромешной тьме, в которую заключено мое сознание. Срок пожизненный. Ведь я готов был нанести колоссальный ущерб корпорации «Аменти» в реале, что доказывалось моими поступками в виртуале. Так что я получил всё причитающееся мне по закону. Заодно Сет (человек и КаИн) проверил с моей помощью уязвимость и защиту Ка-серверов. И наверняка что-то там усовершенствовал. Та «доктор Ахманн», которая со мной контактировала после того, как я якобы вышел из виртуала – виртуальная картинка, сгенерированная КаИном, чтоб вывести меня на чистую воду. Как и тот «коннектор Исиды», который якобы вывел меня из виртуала.

Один раз, до оглашения приговора, у меня был посетитель. Причем важный.

Темнота внезапно была сдернута, как плотные занавески, и я увидел человека. Точнее, улучшенное его изображение – лучезарный такой образ. У меня сразу сложилось впечатление, что я ранее видел кого-то похожего в реальности. Один из тех стандартных компьютерных «гениев» в нарочито драных джинсах и сандаликах на босу ногу, которые уверяют, что придумали у себя в гараже нечто потрясное, изменяющее жизнь человечества. Потом, правда, оказывается, что придумали их самих, надули через корпоративную соломинку для лучшей капитализации.

– Не узнаете меня, Валентин? – начал собеседник с козыря.

– Мы когда-то вместе мыли унитазы? Тоже кавалер ордена ссаной тряпки?

– Почти так. Я – Сет Рорфельд. И я умею превращать засраный унитаз в золотой трон.

Если так, то начнем с самого интересного для меня.

– А какую роль играла доктор Ахманн в моей работе над неограниченностью Ка-реальности?

– Вы не хотели продавать свою разработку – наверное, набивали цену. И тогда я подключил доктора Ахманн. Работа у нее была такая – раскалывать неудачливых стартаперов, диких хакеров, виртуальных вонякеров и прочих искателей цифровых приключений.

Всё понятно, она появлялась в их темных подвалах, прокуренных трейлерах и прочих берлогах, принося с собой аромат глянцевой кожи, сияние миндалевидных глаз и прочую радость. Похоже, я отдал «объектного пионера», создающего

неограниченность виртуалки, не за хрен, точнее за ласки прекрасной Таис Ахманн. Конечно, сам дурак – тестикулы не должны заменять человеку мозги, хотя, как известно, они происходят из одного эмбрионального места. Интересно, а было что-то у нас с доктором Ахманн на самом деле? Небось, когда дело доходило до тела, дама сообщала, что ей надо срочно дописывать диссертацию.

– Я вас дополню, господин Рорфельд. Такие визиты были шоком для мозгляков-цифровиков, они становились будто рыбы, оглушенные динамитом. Подходи и бери их тепленькими. А через пару дней она говорила им о том, что надо поскорее, не слишком заламывая цену, продать свои разработки корпорации «Аменти», пока с ними чего-нибудь не случилось. Ведь наш мир полон опасностей и только вчера одного стартапера нашли совсем пустого, потому что кто-то хакнул его париетальные клетки и они переварили все его внутренности. Цифровики соглашались и спрашивали дрожащими голосами: «А мы увидимся снова?» Доктор Ахманн бодро отвечала: «Конечно, дурачок», и проведя нежными пальчиками по рыхлой бородавчатой щеке очередного стартапера, выходила за дверь. Затем протирала руки санитайзером. А вы съедали очередную пешку в вашей игре, господин Рорфельд.

– А как же иначе, ведь только крупный игрок может сосредоточить все необходимые ресурсы для создания технологий, улучшающих жизнь.

– Британская Ост-Индская компания, грабившая Индию, и Вест-Индская компания, продававшая негров на плантации, тоже так считали. Только у одних жизнь улучшалась, у других заканчивалась.

– Сегодня мы способны улучшить жизнь всем – единственно возможным образом, господин Осин.

– И как вы улучшили её у меня? Кажется, меня подключили, особо не спрашивая?

– Я и доктор Ахманн попросили вас продемонстрировать «неограниченность» виртуальной среды, так сказать, лично. Вашим условием было участие доктора Ахманн в эксперименте. Вы загрузили ей экземпляр своего «объектного пионера», который до того долго настраивался на вас. Так что он реализовывал ваши обращения к её бессознательному. Эксперимент пошел по неверному пути. Возможно, некая темная сущность, которая была заключена в её бессознательном, воспользовалась моментом, чтобы выйти из заключения и вторгнуться в Ка-реальность.

– Вы говорите о коннекторе Исиды?

– Я говорю: нечто, пришедшее из её бессознательного,

сгенерировало для себя код с помощью вашего «объектного пионера». И начало разрушать управляемость виртуальной среды, создавая в ней «люки» и «кротовые норы». Но я вовремя остановил эксперимент.

– Поздравляю. А что вы хотите от меня сейчас?

– Ничего особенного, Валентин Павлович. Уязвимости из «объектного пионера» мы давно вычистили, он стал пай-мальчиком и работает по нашим протоколам. Вычистим и всё то лишнее, что так называемый коннектор Исиды принёс в Кареальность. А дальше нам надо будет чистить само́ бессознательное, освобождая его от «злых духов». Ваше деятельное участие означает смягчение приговора, приятные условия заключения, и частичное перераспределение вашего ЯО в реал. Сможете полюбоваться, как там хорошо.

Я поторопился с ответом.

– Вы меня уже один раз надрали, господин Рорфельд, иначе б я давно находился на голубом орбитальном островке с кучей денег в кармане. Конечно, ни один крупный бизнесмен не будет платить, если можно хапнуть даром – что также известно со времен Ост-Индской компании. Второй раз не выйдет. В освобождении бессознательного от «злых духов», а, точнее, вообще от духа, участвовать не собираюсь.

– Увы, Валентин, второго шанса у вас не будет. Вы и так доставили мне много хлопот.

И темнота разом заслонила всё – как тяжелый занавес.

Что я наделал? Сковородки из «поп-ада» оказались смешными комиксами по сравнению с той тьмой, которая обгладывала и душила меня. Иногда я словно тонул в выгребной яме, иногда меня проедали какие-то мелкие твари. А у меня не было рук, чтобы почесаться, и рта, чтобы заорать. Порой становилось кошмарно холодно, будто меня погружали в жидкий азот, иногда я горел. И только в самые отъявленно мучительные минуты, когда я говорил себе: «Больше не выдержу» – хотя, конечно, придётся выдержать всё – наступала какая-то пустота, нирвана, когда не чувствовалось ничего.

Но это давало лишь короткую передышку, забытье становился всё короче, и я понимал, что в меню адских мук, созданном программистами «Аменти», есть немало ещё чего. Я пока в круге первом.

Я пытался погрузиться в игры своего воображения, но им управляли другие. Я желал представить себе что-нибудь приятное, как, например, сижу с кем-то, похожей на доктора Ахманн, в тени финиковых пальм на берегу ленивой южной реки. Но река оборачивалась потоком дымящей лавы, кто-то, похожая

на доктора Ахманн, превращалась в обугленные головешки, пальмы – в пепел. Так и со всем остальным: воображаемая лужайка оборачивалась болотом, разящий меч – палкой, облепленной говном, которое слетало мне ровно в лицо.

Я хотел сойти с ума и нырнуть в безумие, как в омут, но и оно не давалось мне.

Я даже не мог произнести ни одной молитвы. Тот, кто держал меня в тюрьме, всегда подсовывал моей памяти кощунственное окончание любого обращения к Богу.

Но однажды я различил точку света, пробивающую густой мрак. Мрак пытался затушить её, а она исчезала и выныривала снова, упорно приближаясь ко мне.

И будто слышались слова, исходящие от неё: «Я прохожу через миллионы лет. Я пересекаю Вчера, Я – семь Сегодня для разных сущностей. Я открываю путь Рождениям. Я происхожу от Единственного, ходящего по кругу. Открой сердце, мне трудно дотянуться до тебя. Я пришла, чтобы быть защитницей тебе».

Я стал натужно отталкивать темноту от себя, а точка уже напоминала светящийся диск с множеством крыльев, который вел меня за собой. Но и тьма догоняла меня.

Когда я уже почти изнемог, светящийся диск подхватил меня и понес вверх, пробивая пелены со звоном золотых перьев.

Я почувствовал что-то горячее внутри себя; это было сердце, и оно назвало свое имя – Иб. От него протянулись ниточки пульсаций и я снова ощутил руки и ноги, а также все остальные члены тела.

Светящийся диск поднял меня так высоко, что я увидел предвечный океан Нун. Черные глянцевые волны пересекались и соединялись друг с другом, уходя в любом направлении. Всё тихо, без рёва. А потом я рухнул на холодный каменный пол.

Передо мной стоял огромный враг, жрец немилосердного Баал-Хаммона – Гад из рода Бени-Ямин. А мой кхопеш лежал в нескольких локтях от меня.

Я бросаюсь к кхопешу, но Гад отбрасывает его пинком и гогочет в стиле оперного злодея. Затем торжественно поднимает огромный молот, чтобы раскроить мне череп – несколько даже медлит, чтобы насладиться моментом. Я кидаюсь ему в ноги, заодно собираясь в клубок. Оружие теперь мешает ему. Гад не может обрушить на меня свой молот, ведь я слишком близко, и не решается бросить его, чтоб не остаться безоружным. А я, резко выпрямившись, ухватываю молот за рукоять неподалеку от навершия и резко опускаю его вниз. Навершие попадает жрецу в промежность – и будто взвыла преисподняя. Я подхватываю острую кость, упавшую с жертвенника, кажется обломок

берцовой, и, когда Гад начинает распрямляться, вгоняю ему в чрево.

Появляются мои воины. Кахотеп отсекает Гаду уд и пускается в пляс. Юба спешит стащить золотые браслеты с рук и ног поверженного жреца.

– Ну что, нильские львы, погоним торгашей-аму из наших пределов?

Впереди долгая война за освобождение Кеме от непрошенных и изрядно надоевших гостей. Дело, на которое не жаль и жизнь потратить.

7. Лабиринт

Мне пришлось прожить эту жизнь до конца. То мы гоним гиксосов-аму, то они, набрав силу на Иордане и Ефрате, снова приходят к нам. А когда на мне уже живого места не осталось – тут порезано, там отрублено, – царь Яхмос отправил меня в инвалидный гарнизон на окраине пустыни с одним колодцем. Где пришлось несколько лет ждать нападения ливийцев с просторов Сахары. Когда они пришли, меня убил тот самый Юба – он уже, кстати, стал вождем – с которым мы когда-то освобождали храм Атума от нечистых аму и их скверных богов. После удара его топора не удержал я щит в дряхлеющей руке, а следующий удар пришелся на мою шею. Амба.

После этого были длинные колонки цифр – матрицы открывающихся сенсорных каналов, коды распаковки сознания.

И коннектор Исиды вернул меня в реальность, где я узнал, так сказать, новости за последние двадцать лет.

Как крупный капитал продавал людям фальшивую красивую жизнь и присваивал их сознание. Как корпорация «Аменти» под сладкие речи о «свободной конкуренции» добилась контроля над всеми видами человеческой активности. Как КаИны провели новые разделения между людьми и войн стало еще больше: между «передовыми» нациями и «отсталыми», между подключенными и неподключенными к Ка-реальности. Самой жестокой из них оказалась война между х-хромосомными и у-хромосомными людьми, иксами и игреками, бывшими женщинами и мужчинами, потому что шла она практически в каждом доме. И в ней участвовали такие экс-дамы, что во сне увидишь, не проснешься. Искусственные мышцы буграми, бритые затылки, плечищи, зверские тату, ноль эстрогена, имплантированные мужские органы – те самые, половые.

К тому времени, когда закончилась моя жизнь в виртуальной стране Кеме, по сути, прекратилась и жизнь рода людского на реальной Земле. Кто пока был формально в списках живущих, угасал в Ка-реальности. Процесс физического вымирания будет продолжаться для них несколько дольше, чем процесс вымирания духовного. Ведь граждане, у которых ЯО находится в виртуале, могут ходить на горшок, отзываться на рекламу, закупаться в супермаркете и даже вести разговоры на темы экологии, свободы и индивидуализма. Но вот бороться за выживание рода людского – не очень.

Немногие совершили исход с помощью коннектора Исиды. Используя роботехнические и автоматические системы, он

перекинул их вначале в орбитальные поселения «космического змея», потом на спутники Юпитера и Сатурна. Я оказался на Европе, где возникла одна из самых успешных земных колоний, поскольку здесь есть всё. Кислород, воды океана, подогреваемые от ядра, которое тормошится излучениями Юпитера. Впрочем, на космической Европе нет того, что цветёт в Европе земной – жадности, гордыни, слепоты.

Сейчас я вижу мой город, мою Гатчину-2, защищенную диамантоидной стеной переменной прозрачности. Более всего бросаются в глаза нанoплантовые башни, похожие на баньяны и юкки. Они растут, ветвятся и плодоносят, исполняя миллионы программ, которые разрабатываются ИскИнами системы жизнедеятельности. По нанотрубчатым паутинам, от башни к башне, носятся юркие технозоиды системы техобслуживания, смахивающие на паучков.

Когда я строил этот город, мне казалось, что виртуал больше не притянет меня к себе.

Но потом коннектор Исиды принес сюда Таис Ахманн. В криокапсуле, с глубоким торможением всех физических процессов. Сет Рорфельд не простил доктора Ахманн, вернее не простил её бессознательного за появление коннектора Исиды. Возвращение нормального темпа времени означало для Таис быструю смерть.

И оказалось, что нам обоим нужна своя Ка-реальность…

Кто мы и что мы теперь? Уже, по сути, не люди, и даже не иксы и игреки, а биокиберобъекты, называемые ахманнами, по имени их проектировщицы. Впрочем, в названии читается и намёк на древнеегипетский мир звезд, где обитают аху – высшие души, отделившиеся от тел.

Ахманн – это математическая модель, интерфейсы, сенсорные матрицы, ассоциаторы, базы данных, ранее сопряженные с биологическим мозгом и обучающиеся от него, а ныне практически самостоятельные. Это и снабжающая периферия – в основном, кальмарообразные технозоиды. На спутниках Юпитера и Сатурна, с их океанами, человекоподобие не в тему, имитация же головоногих братьев меньших – в самый раз.

На биологическом уровне мы, считай, консервы вечного хранения с протекторами белков и антифризом в крови. Хотя капсулы, где хранятся биоматериалы – мои и Таис Ахманн,– находятся на расстоянии всего несколько метров, оно непреодолимо и за миллион лет. Лишь Ка-коннекторы, выводящие наши ЯО в виртуал, способны соединить нас.

Сейчас от лунной базы «Аменти» летит рой боевых дронов.

КаИн Сет решил разобраться с земными колониями на Европе, Энцеладе и Титане.

Рой приблизится к нам на дистанцию стрельбы через пять земных суток. Около полусотни одних только крупных кораблей с атомными двигателями, дающими скорость выше ста километров в секунду, и гауссовскими пушками, способными разнести с одного залпа целый астероид в клочья.

Я возвращаюсь в Ка-реальность навсегда. Там своё течение времени (точнее, этих течений много) и пять суток превратятся в пять тысячелетий. Я смогу прожить там не одну жизнь. Буду египетским царем Яхмосом, разгромившим детоубийц-гиксосов, и парфянином Суреной, поразившим римские легионы. Буду князем Александром Ярославичем и князем Дмитрием Ивановичем, сохранившими Русь для великих дел, воеводой Дмитрием Хворостининым на молодинском поле и ратником на обороне града Пскова от короля-вампира Батория, буду Ермаком, Москвитиным и Дежневым, которые ширили русское царство за горизонт, буду в ковыльной степи защищать страну от набегов, оборонять Севастополь, брать Берлин и посылать первые ракеты в космос. Буду создавать и то, чего не может быть – Марс, ставший второй Землей. И в подножие горы Олимп станет бить марсианское море. И я сотворю уютный дом для нас с Таис неподалеку от Юпитера – ручные кракены будут нам вместо собак и кошек. Да укроются наши души в несуществующих мирах.

Порта, 2021